

Тайный шифр художника

Автор:

Олег Рой

Тайный шифр художника

Олег Юрьевич Рой

Соглашаясь разыскать сведения о нескольких людях, молодой сотрудник архива Феофан оказывается втянут в смертельную игру. Кто-то разыскивает и убивает бывших заключенных, которые сидели в одной камере с завоевавшим посмертную популярность художником Зеленцовым. Погружаясь в исследование, Феофан ходит по самому краю бездны, но не может остановиться – ведь его завораживает загадка татуировок-картин и очаровывает смотрящая с них женщина.

Олег Рой

Тайный шифр художника

© Резепкин О., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть I. Тридцать лет спустя

Весна 1993, Москва

Глава 1. Архивный юноша

Массивная дверь открывалась с таким трудом, словно принципиально не хотела ни впускать кого-либо в здание архива, ни выпускать из него. Какой-то умник установил столь мощную и тугую пружину, что для прекрасного, но слабого пола, составлявшего в нашей конторе большинство, каждое открывание входной двери равнялось маленькому подвигу. И почти каждый раз, приходя или уходя со службы, я как один из немногочисленных представителей мужской части коллектива вынужден был брать удар на себя, с усилием тянуть за мощную ручку или наваливаться всем телом на дверь, а потом галантно придерживать ее для оказавшихся рядом сотрудниц. Но сегодня я выходил из конторы один – охотников работать в воскресенье было немного. Разве что по личным соображениям, как у меня.

Улица – вот сюрприз! – встретила совсем уже весенним теплом. Или это только казалось? После бесконечного однообразия зимы мартовский подъем температуры даже на пару-тройку градусов уже наполняет сердце наивной радостью. Но еще сильнее греет душу даже не долгожданное тепло, а явственно и бесспорно прибавившийся день. Одно дело выходить с работы в разбеленную снегом стылую темень, и совсем другое – когда тебе улыбается пусть низкое, но солнышко.

Увенчав голову наушниками, я привычным движением сунул штекер в гнездо прицепленного к брючному ремню польского плеера. Плеер я всегда носил справа, а слева, симметрично, – модную поясную сумку с кассетами. Выудив одну наугад, прищелкнул ее расшатанной крышкой, ткнул в красный треугольничек и поспешил к метро. Несмотря на выходной, дел сегодня еще оставалось достаточно. Да и как иначе? Нужно же как-то зарабатывать на жизнь. Моей зарплаты с трудом хватало на неделю более чем скромной жизни – а меж тем цены с угрожающей скоростью росли, а инфляция только усиливалась. Настало такое время, когда все крутились как могли и зарабатывали чем угодно и где угодно. Из нашего архива люди бежали, как тараканы из кухни, в которой внезапно зажгли свет. Но у меня пока имелись причины в мои двадцать шесть лет все еще оставаться «архивным юношей».

Конечно, это была совсем не та работа, о которой я мечтал с детства. Класса до шестого я день и ночь грезил о море, которое видел – не в кино и не по телевизору – всего однажды, в последнее свое дошкольное лето. Профсоюз тогда одарил моих родителей двухнедельной путевкой в семейный санаторий под Новороссийском. За прибоем санаторного пляжа расстилался серебристо-синий простор, казавшийся бесконечным. И там, в туманной дали, где море не отличить от неба, виднелись корабли. Настоящие морские суда! Некоторые проходили совсем близко – можно было разглядеть крошечные фигурки моряков или пассажиров. И я, семилетний, проводил целые дни, стоя на балконе или на пляже и уставившись на море. Даже купаться не особо хотелось, только смотреть и смотреть на корабли, мечтая о том, как когда-нибудь и я стану плавать... то есть ходить на борту вот такого судна. Или такого. Или даже такого...

С тех пор я буквально заболел морем. Зачитывался книгами о морских путешествиях, учился вязать морские узлы и определять курс по солнцу и звездам, твердо знал, чем отличается грот-мачта от фок-мачты, а брамсель от марсея, выпросил у соседа с пятого этажа тельняшку и ходил в ней, что называется, и в пир, и в мир, и в добрые люди, несмотря на то что она, конечно, была мне здорово велика.

Но вскоре мечты рухнули. Точнее, я сам, по детской своей дурости, их сломал. Мы с приятелями нашли на стройке карбид и решили заняться пиротехническими экспериментами... малолетние идиоты! «Ты ведь мог без глаз остаться!» – плакала мама. В этом смысле обошлось, но зрение я испортил основательно. Близорукость – сперва на одном глазу, а потом и на другом – стремительно прогрессировала, все попытки бороться с ней оказались безуспешными, и только в районе минус пяти процесс наконец-то приостановился. Одним из методов борьбы служила гимнастика, по которой требовалось пользоваться глазами поочередно: один прикрыть, вторым что-нибудь разглядывать или читать. По-моему, никакого толку от этого не было, разве что к чтению я приохотился. Единственное, с чем я долго не мог смириться, была необходимость носить очки, окончательно я принял неизбежное лишь в восьмом классе.

Как ни странно, ни очки, ни запойное чтение, ни даже диковинное имя Феофан (родители так и не смогли толком объяснить мне, откуда они его выкопали и с какой стати решили меня им наградить) не сделали меня изгоем ни в школе, ни во дворе. Может, потому, что я никогда не избегал драки – даже если все

преимущества явно были на стороне противника. Или, быть может, из-за того, что, страстно любя книги, я не прятался за ними, как какой-нибудь ботаник. Книги были моими друзьями, но они никогда не заменяли мне живых людей и не мешали жить полноценной реальной, а не выдуманной жизнью.

С возрастом моя страсть к морю не то чтобы прошла, а скорее трансформировалась – я увлекся историей военного флота и морских сражений. Особенно меня привлекали не современные теплоходы и не парусные корабли, как это нередко бывает у мальчишек, а паровые суда. Я прочитал о них, наверное, тонну книжек, видел сотни рисунков, сам склеил не один десяток моделей и знал названия и облик чуть ли не всех известных военных пароходов на память – а память у меня всегда была отличной. К девятому классу я уже твердо знал, что стану историком и буду изучать морские сражения. После школы я подал документы на истфак МГУ – и вылетел после первого же экзамена, насажав от волнения ошибок в сочинении.

Конечно, это стало для меня серьезным ударом. Пусть из-за близорукости мне можно было не беспокоиться о призыве в армию, и Афганистан мне, как другим не поступившим одноклассникам, не грозил – но все равно было очень обидно. Я не знал, что делать, чувствовал себя совершенно потерянным, точно почву выбили из-под ног. На семейном совете было решено, что родители дадут мне еще один шанс, год, чтобы я мог позаниматься на курсах и как следует подготовиться к поступлению. А если и в этот раз с университетом не получится, я подам документы в другой вуз. Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Год я честно отзанимался на подготовительных курсах и на этот раз даже добрался до последнего экзамена – что при огромнейшем конкурсе в МГУ удавалось далеко не всем. Однако с моим совсем не блестящим аттестатом и не слишком-то выдающимися способностями надеяться было все равно не на что. Для зачисления не хватило баллов, я смирился и безропотно отправился в выбранный родителями историко-архивный институт. Конкурс туда, к слову сказать, тоже был не такой-то маленький, но я был хорошо подготовлен, да и повезло, на истории достался тот же вопрос, который я отвечал в универе – о коллективизации, – и преподаватель МГУ указал, чего в моем ответе не хватает. В этот раз баллов хватило, да и родители задействовали все свои связи – и в результате в конце августа я увидел в списке зачисленных на первый курс и свою фамилию.

Вот только вместо полагающейся свежее испеченному студенту радости я испытывал что-то вроде ощущения «жизнь пошла под откос». Ну что за дело, ей-богу, для мужчины – архивариус? Смешно, даже убого как-то. Стыд и позор, в общем. Однако я понимал, сколько усилий приложили родители, чтобы я поступил, поэтому честно отработывал свой долг и продолжал грызть гранит науки. Старательно и даже с неплохими результатами, но словно бы на автомате, по обязанности – лишь бы закончить.

Так продолжалось до того момента, пока у нас не начали читать основы архивного дела. Преподаватель Антон Захарович по прозвищу Будильник одним махом резко сломал все стереотипные представления о своей профессии. Признаться, я изрядно обалдел, когда вместо сухонького старичка, каким обычно представляются людям архивариусы – этакое очкастого гнома с жиденькой белой бородкой и непрерывным покашливанием от осевшей в горле бумажной пыли – в аудиторию вошел высокий моложавый мужчина с военной выправкой, всегда смеющимся черными глазами и ямочкой на подбородке. Когда я некоторое время спустя посмотрел «Доктора Ноу», Джеймс Бонд показался мне похожим на Антона Захарыча. От Шона Коннери нашего препода отличала лишь жесткая щеточка седых усов да очки в тонкой металлической оправе – большая редкость для тех лет. Сам я тогда носил еще тяжелые роговые «окуляры» и не успокоился, пока всеми правдами и неправдами не обзавелся очками «как у Антона Захарыча» и после этого, наконец, окончательно перестал стесняться своего «немужественного» аксессуара.

Говорил Антон Захарыч негромко, но уже через четверть часа после начала лекции каждому стал ясен смысл прозвища Будильник. Проснулись даже перманентно хвостатые оболтусы с задних рядов, и все жадно слушали потрясающего лектора. Он рассказывал о документах, о том, какую роль они играют в нашей жизни, о том, что эта роль не просто важна – зачастую она бывает решающей, а подчас и роковой. Его рассказы походили не столько на лекции, сколько на увлекательнейшие детективы. Недаром мы слушали их затаив дыхание. И сами не замечали, что не просто «усваиваем учебный материал», но вдобавок и заражаемся, да что там – насквозь пропитываемся живейшим интересом и даже страстью к архивному делу, которыми так щедро делился с нами Антон Захарович. Его сердце остановилось, когда нам оставался год до дипломов, и мы восприняли эту потерю очень болезненно, как утрату самого близкого человека. Но главное – любовь и интерес к архивному делу – Антон Захарович в наших душах оставил. С тех пор будущая профессия уже не только не пугала меня, но даже напротив, привлекала и манила.

Видимо, памятуя собственные студенческие годы, мои родители отчего-то очень боялись распределения. И сколько я ни пытался объяснить, что времена, когда закончившего столичный вуз москвича могли распределить куда-нибудь в глухомань, давно прошли, родители все равно озаботились этой проблемой и снова понажимали на все доступные им рычаги. Так я попал в одно из подразделений столичного Главархива на должность младшего архивиста. К работе – спасибо Антону Захарычу! – я приступил, что называется, с горящими глазами. С неизбывным энтузиазмом начал осваивать компьютер, который у нас по старинке еще называли электронно-вычислительной машиной, а также микрофильмирующую, звукозаписывающую и видеоаппаратуру, убежденный, что вскоре все это найдет широчайшее применение в архивной работе. И к тому же я занимался любимым делом, с интереснейшими документами, по большей части просто старыми, а иногда и прямо-таки древними. Оклад в сто двадцать рублей сейчас выглядит смешно, а тогда это были нормальные деньги, на которые можно было жить, не шиковать, конечно, но как-то сводить концы с концами. По уговору с родителями я отдавал треть зарплаты в семейный бюджет, а остальные восемьдесят рублей без зазрения совести тратил на собственные нужды. У меня, наконец, появилась постоянная девушка – Аленка работала лаборантом в соседнем отделе. И я мог позволить себе, пусть не часто, но сделать ей хороший подарок и сводить ее не только в кино, но и в ресторан, и отвезти домой на такси.

Никакие политика и экономика меня тогда, разумеется, не интересовали. Зарплаты хватало на повседневные нужды, а завтра будет завтра. Не то чтобы я вовсе не задумывался о будущем, скорее – не парился по этому поводу. Как практически любой из моих сверстников, я искренне верил, что завтра будет лучше, чем вчера. Тем более что в стране шла перестройка, и несмотря на то, что никто еще толком не понимал, что происходит, и даже не догадывался, к чему это приведет, все были настроены оптимистично и жили надеждой на перемены к лучшему. Самые смелые уже вовсю пользовались новыми возможностями «капиталистического» заработка, я тоже решил не отставать и начал понемногу тиражировать кассеты, поскольку у меня имелся и доступ ко всяческой записывающей аппаратуре, и умение с ней работать. Занятие оказалось прибыльным, мои услуги быстро стали нарасхват. Друзья, знакомые и знакомые друзей и знакомых притаскивали кассеты (преимущественно аудио, видеомагнитофоны тогда еще мало у кого были), а я их копировал – разумеется, не бесплатно. И хотя брал за свою работу вполне по-божески, денег в кармане резко прибавилось. Я уже вовсю строил планы, как летом свожу Аленку куда-нибудь на море. В Пицунду, например. Или в Крым. А может быть, даже и в Болгарию или Турцию, сейчас, говорят, это уже не так сложно, как раньше, надо

только получить загранпаспорт...

Но тут недоброй памяти премьер-министр Валентин Павлов – единственный в истории премьер-министр Советского Союза, чтоб его! – затеял свои, как бы их помягче назвать, реформы. Деньги обесценились, и я как-то резко перестал чувствовать себя состоятельным человеком. Цены росли, прилавки на глазах пустели. Левого заработка от знакомых мне уже не хватало. Но сдаваться я не собирался. Есть два типа людей: одних препятствия заставляют опустить руки и впасть в депрессию, других мобилизуют и стимулируют двигаться вперед. Я был из тех, кто верил, что темная полоса в судьбе всегда может стать взлетной. Только не глуши мотор – и со временем у тебя появятся крылья.

Я надумал торговать кассетами с популярными записями на ближайшем рынке. Назвать этот путь легким было никак нельзя. Кассеты раскупались хорошо, но сперва у меня возникли проблемы с ментами, а сразу после этого на горизонте появилась «бригада», уверенная, что мне есть чем поделиться с бывшими спортсменами, ныне переквалифицировавшимися в рэкетиров. Наслышанный леденящих душу историй, которые теперь не только распространялись сарафанным радио, но и активно смаковались в прессе, я не на шутку перепугался. К счастью, близкого знакомства с утюгами и прочими инструментами несложного ремесла братков удалось избежать. По сравнению с другими, я еще отделался более или менее легко, поскольку догадался обрести «крышу» в лице бывшего одноклассника Руслана, ставшего кем-то вроде сержанта одной из свежееобразовавшихся бригад по перераспределению доходов. Помня, как списывал у меня алгебру, Рус обходился со мной мягче, чем с остальными своими «подшефными», крышевал меня «всего» за треть моей чистой прибыли и милостиво позволял пару раз в месяц кормить себя ужином в ресторане. Хотя «третью» дань называлась лишь условно: если прибыль была хорошая, надо было отдать тридцать процентов, а если не очень, то некий фиксированный минимум – Руслан рассчитал его по среднему. В общем, крутись как хочешь.

Некоторое время спустя Рус познакомил меня с Зауром. Тот был чином постарше, а опыт «бизнеса» имел побогаче. Еще в те времена, когда за спекуляцию можно было отправиться, куда Макар телят не гонял, Заур уже оперировал довольно крупными объемами фарцы. Так что в неожиданно наступивших мутных временах он почувствовал себя как рыба в воде. Благодаря Зауру у меня появился надежный канал сбыта продукции, что оказалось весьма кстати, поскольку павловской реформой мои неприятности лишь начались, а наездом

«бригады» далеко не закончились. Свойство такое у неприятностей – сбиваться в стаи.

Восемнадцатого августа 1991 года телевизор вдруг с самого утра стал показывать сплошное «Лебединое озеро». Примерно так же было в середине восьмидесятых, когда генсеки вдруг стали чередой уходить друг за дружкой в лучший мир, не успев толком освоиться в Главном Кресле Страны. Нынешний генсек, то бишь первый президент СССР, был, правда, еще не в том возрасте, чтобы скончаться от старости, но «Лебединое озеро» по всем каналам – примета верная. Отец меланхолично заметил, что в кремлевской стене за еловым «почетным караулом» скоро не хватит места для погребальных ниш. Папа, человек не просто партийный, а вполне искренне исповедующий коммунистические идеалы, к Горбачеву относился без малейшего пиетета, так что сначала ему показалось, что все меняется к лучшему. Чуть позже выяснилось, что Михаил Сергеевич заперт на даче, в стране переворот, и вместо балета телевизор принялся демонстрировать разнообразные ракурсы носового платка в руках вице-президента СССР. Отца это еще больше порадовало, он глядел сущим бодрячком, точно помолодел лет на десять. Даже глаза заблестели, как будто хорошего коньячку принял.

Мне же, по правде сказать, было не до переворотов, слишком много накопилось других забот, более насущных. Бизнес мой шел не слишком бодро, скорее ковылял, чем шел, спрос на кассеты (а вместе с ним и мой доход) за лето снизился настолько, что я уже в очередной раз задумался, не послать ли подпольную звукозапись ко всем чертям. И в тот момент, когда москвичи и гости столицы толпами валили к Белому дому с искренним намерением броситься под танки, защищая будущего президента будущей страны, мне приходилось ломать голову над тем, что я в конце месяца отдам Русу. Надеяться, что его быки войдут в мое трудное положение и похлопают меня по плечу, улыбнувшись подружески – ничего, мол, братишка, со всяким может случиться, после отдашь, – было смешно. Я весь издергался, перестал спать, а если вдруг забывался ненадолго, то снились мне исключительно утюги и паяльники. Но снова обошлось. На этот раз меня спас «Терминатор», точнее «Терминатор-2», вышедший в прокат как нельзя более вовремя и попавший ко мне в виде экранной копии. С облегчением вздохнув, я рванул на работу, чтобы дневать и ночевать там, записывая кассеты. Я и понятия не имел, что может произойти за это время у меня дома...

В день, когда министр внутренних дел Пуго, не дожидаясь ареста, отправился на небеса, а остальные члены ГКЧП протягивали руки для примерки стальных браслетов, у моего отца, принявшего происходящее слишком близко к сердцу, случился инсульт. И не какой-нибудь «микро», а вполне полноценный. Папа остался жив, но лишился речи и возможности двигаться, смотрел мутным взглядом, не узнавал нас и, похоже, даже не понимал, где находится и что с ним происходит. Врачи на все вопросы отвечали уклончиво – может, выкарабкается, а может, и останется таким навсегда. Прогнозы в подобных ситуациях невозможны, во всяком случае пока.

Отец, истыканный трубочками и проводками, беспомощно распластался на больничной койке, и как-то вмиг стало абсолютно ясно: теперь вся ответственность – и за него, и за маму, получавшую в своей библиотеке сущие гроши, и за себя самого – ложится исключительно на мои собственные плечи. Не то чтобы я в одночасье превратился из беззаботного юного эгоиста в собранного и целеустремленного бизнесмена, но что-то в тот момент переломилось.

Мой «бизнес», о котором я до того иначе как в кавычках и не думал, который воспринимал как некое небезопасное, но все же приключение, внезапно стал практически единственным источником пополнения семейного бюджета. Хочешь жить – умей вертеться! И я вертелся – а куда деваться? Получалось у меня не так хорошо, как хотелось бы, но все же что-то удерживало меня в архиве, в котором с каждым днем становилось все малолюднее. Из-за обесценившейся, да еще и систематически задерживаемой зарплаты большинство моих сотрудников рванули на вольные хлеба – включая непосредственного начальника и двух самых ближайших коллег, которые учили меня работать с техникой. Но в этом были и свои плюсы – я остался один в помещении с собственным телефоном, и никто не мешал мне курить прямо на рабочем месте и чуть не целыми днями заниматься своими делами.

Кстати, в числе ушедших из архива (а заодно и из моей жизни) оказалась и моя Аленка. Точнее, уже не моя – она довольно быстро нашла себе нового сердечного дружка, богатенького Буратино из тех, кто не крутился, как уж на горячей сковородке, а подталкивал вилкой других, чтоб крутились поэнергичнее.

Я остался в лаборатории не из любви к Делу (да простит меня покойный Антон Захарыч, но в смутные времена как-то не до идеалов), а из-за доступа к аппаратуре – на чем бы я иначе делал свой маленький бизнес? Основной работы

стало куда меньше (правда, и зарплату платить почти перестали), можно было спокойно заниматься своими делами, даже не особо скрываясь.

В таких трудах и заботах прошло около двух лет. Отец за это время немного пришел в себя, заново научился ходить и говорить, мама немного воспрянула духом и перестала выглядеть как привидение. Аленкиного «Буратино» убили в какой-то разборке, а сама она умотала в Италию, где и потерялась окончательно. Мои собственные дела шли не столь блестяще, как у банка «Империа», заполонившего весь телевизор дорогущими и, надо сказать, очень красивыми рекламными роликами, но все же – спасибо небесам! – не настолько плохо, как у многих моих соотечественников. Я уже больше не был и швец, и жнец, и на дуде игрец – не стоял сам на точке и не волок туда на своем горбу тяжеленные сумки, а занимался только копированием и сдавал кассеты троиим хозяевам ларьков, которые сами приезжали ко мне за товаром. Это развязывало руки и высвобождало немного времени – но оно все равно чуть ли не полностью уходило на запись. Потому я и торчал на работе в выходные, а уйдя из архива, ездил к Зауру в надежде, что сегодня он наконец-то расплатится со мной за очередной заказ.

Я уже собирался спуститься в метро, когда дорогу мне преградила молодая цыганка в сильно потертой, но когда-то явно недешевой кожаной куртке.

– Молодой-красивый, позолоти ручку, всю правду расскажу, ничего не скрою!

Меня аж передернуло. Терпеть не могу попрошаек, которых последнее время расплодилось видимо-невидимо, а уж цыган – тем более на дух не переношу. Так что церемониться с ней я не стал.

– Отвали! – огрызнулся я. – Нет у меня денег и не предвидится.

Хотел обойти ее, но цыганка сделала шаг в ту же сторону, что и я, и снова оказалась у меня на пути.

– А вот и врешь! Есть у тебя деньги, в заднем кармане джинсов лежат.

Я невольно схватился за карман – неужто обчистили? Нет, деньги оказались на месте. Правда, назвать то, что действительно лежало у меня в джинсах, деньгами было трудно – так, мелочишка на метро, от силы рублей сорок. Но

цыганку, похоже, заинтересовали и они.

- А если скажу, когда у тебя будут деньги, - хитро прищурилась она, - отдашь мне то, что у тебя с собой?

- Да отвали ты от меня!

Я снова сделал шаг в сторону, повторила свой маневр и цыганка, которая заявила:

- Сегодня и получишь. Часу не пройдет, как у тебя будет сотня баксов.

Я только хмыкнул. По текущему, непрерывно лезущему вверх курсу это около семидесяти тысяч - больше, чем две моих зарплаты. Вообще-то Заур мне примерно столько и должен, но чтоб он вот так вдруг сразу за все расплатился? Да ладно! Скорее летающая тарелка на Красную площадь приземлится, чем этот...

- Не то думаешь! - сказала вдруг цыганка, точно прочитала мои мысли. - Не твой кровосос тебе баксы даст. Получишь ты их от черного человека...

- От негра, что ли? - ухмыльнулся я, все же втягиваясь против своей воли в этот идиотский разговор.

- От черного человека, - повторила она как по писаному.

Я взглянул на цыганку внимательней и невольно подумал, что она действительно молода, скорее всего, даже моложе меня, просто, как это с ними бывает, выглядит намного старше своих лет. Она говорила, чуть прищурясь, точно читала по невидимой книге. И не знаю уж, как это у нее вышло, но, во всяком случае, определение Зауру дала очень точное.

- И за что же негр даст мне сто баксов? - с ухмылкой поинтересовался я.

- Ни за что, - без запинки сообщила цыганка с той же бесстрастной, «знающей» интонацией. - Сейчас даст и еще предложит. Только ты не бери.

– Почему же? – с иронией осведомился я, почувствовав, что разговор уже начинает меня забавлять. – Если деньги платят, да еще и ни за что, надо брать обеими руками, сколько ухватишь.

– Нельзя их брать. – Она быстро взглянула мне в лицо и вдруг начала мелкими шажками пятиться назад. – Кровь с них капать будет. Мертвые это деньги. Много зла принесут. И тебе плохо будет, и другим. Не бери.

– Тоже мне, предсказание! – Я уже откровенно прикалывался над ней. – Деньги будут, но ты их не бери. Знаешь, что один древний император сказал? Деньги не пахнут...

– Эти пахнут. – Цыганка аж руками взмахнула, став вдруг похожей на гигантскую пеструю птицу. – Смертью пахнут. Только испачкаешься – вовек не отмоешься.

И, развернувшись, с неожиданным проворством рванула прочь и исчезла в толпе. Я хмыкнул про себя, снова убедился, что мелочь в заднем кармане осталась на месте, и начал спускаться в метро.

Глава 2. Черный человек

Заур жил в хрущобе неподалеку от Даниловского рынка, причем сразу в двух квартирах – в двухкомнатной обитал сам, а соседняя трешка служила складом, где нельзя было найти разве что слона, и то лишь потому, что он бы там не поместился. А так Заур торговал всем подряд: от паленой водки и фальшивых «адидасовских» кроссовок до жвачки и кухонных комбайнов. Мои кассеты в этом изобилии контрафакта были сущей мелочью. Подозреваю, что и оружием, и наркотиками Заур тоже не брезговал, хотя я, разумеется, никогда столь идиотских вопросов ему не задавал. Меньше знаешь, крепче спишь. И, кстати, дольше живешь.

– Феофан! – Стоящий на пороге своей квартиры Заур так широко расплылся в улыбке, точно мой визит был бог весть каким радостным событием. – Проходи, проходи, дорогой, мы только тебя и ждем!

Сбрасывая ветровку, я буркнул:

– Кто это «мы»?

– Гость у меня, – пояснил Заур, улыбаясь еще шире. – Как раз по твою душу.

Сказать, что я насторожился – ничего не сказать. «По твою душу» могло означать что угодно, но уж точно – в нынешние-то времена! – ничего хорошего. Что же это за гость там такой? Чувствуя неприятный холодок где-то внизу живота, я потопал в кухню.

Гость был там и угрюмо созерцал развернувшийся на столе типично перестроечный натюрморт. Как ни странно, сперва я обратил внимание именно на него – и не потому, что был голоден. Внимательному человеку, как говорил обитатель Бейкер-стрит, детали говорят о многом.

Мне хватило одного короткого взгляда. Натюрморт состоял из непечатой еще бутылки «Абсолюта», палки салями, уже напластованной на толстые кружки, вскрытой ванночки прибалтийских шпрот, банки маринованных огурцов, нарезанного батона, пачки галет и нераспечатанной коробки польских конфет. М-да, любопытно. Если бы автором натюрморта являлся Заур, стол украшала бы пузатая емкость с армянским или дербентским коньяком, а вокруг бы живописно расположились какие-нибудь дары солнечного Кавказа, вроде лаваша, лобио, хачапури, сулугуни и прочего. Заур был вроде бы из Дагестана. Я, разумеется, не спрашивал, но кое-какие названия из национальной кухни запомнил. Но то, что стояло и лежало на столе сейчас, явно притащил гость, а не хозяин. Из чего я сделал вывод, что человек он не бедный, но склонностью к гурманству не отличается: есть чем водку зажевать – и ладно.

Выглядел гость как типичный «новый русский». Клубный пиджак, правда не малиновый, а черный, даже, пожалуй, темно-серый, но на шее, поверх темно-зеленого свитера, – традиционная для этой публики золотая цепь в палец, если не в полтора толщиной. Я привычно подивился: это какие же должны быть шейные мышцы, чтоб такую тяжесть таскать? На стандартного качка, впрочем, зауровский гость был не похож: крепкий, но не массивный, а жилистый, как моток скрученного провода. Лет не меньше сорока, хотя вряд ли больше полтинника. Подстриженные модной «платформой» волосы уже начинали седеть. Лицо какое-то ястребиное – резкое, угловатое. И еще очень загорелое,

будто только что с курорта. Руки, впрочем, тоже, а на кистях наколки – сидел, однозначно. И вдобавок глаза – темно-карие, почти черные, так что и зрачка не видать – глядели таким пристальным прищуром, что хотелось если не спрятаться, то как минимум поежиться.

Заур гостя явно опасался.

– А вот и тот, о ком я вам говорил, – сообщил он с радушием, в котором явственно послышался вздох облегчения.

Интересно, однако... Я, конечно, обещал, что кассеты сделаю побыстрее, и про воскресенье даже упомянул, но знать наверняка, что я приду именно сегодня вечером, Заур не мог. Мог только рассчитывать на мою вечную обязательность. А визитер явно не из тех, кого можно «завтраками» кормить. То-то Заур так мне обрадовался...

– Угрюмый, – представился гость, слегка приподнявшись и протягивая мне руку. На запястье блеснул позолоченный «Ролекс» – причем, весьма возможно, настоящий. Нет, я не спец, да и хорошую подделку «Ролекса» беглым взглядом не определишь, но...

– Грек, – отозвался я, пожимая ладонь нового знакомого.

Греком меня называли с шестого класса школы, после того как в курсе древнерусской истории обнаружился иконописец Феофан Грек. Не буду врать, что страстно люблю свое прозвище, но оно все же лучше, чем имя. К тому же подобные клички чаще всего прилипают к человеку намертво, и проще с ними смириться, чем что-то изменить.

Из колец Угрюмый носил только одну массивную золотую печатку, руку жал крепко, но не демонстративно, а ладонь, хоть и не мозолистая, была твердой, точно ее свело судорогой.

Бутылку гость открыл сам и в рюмки налил – все три ровнешенько, хоть микрометром меряй – тоже сам. М-да, еще один знак, демонстрирующий, кто тут сейчас банкует.

– Ну, за знакомство. – Он поднял рюмку.

К алкоголю я равнодушен, пью только тогда, когда надо по делу, и сейчас мысленно молился, чтоб не поперхнуться – в большинстве продаваемых теперь «водочных» бутылок был разведенный технический спирт (и спасибо, если не метиловый) – позориться было никак нельзя. «Абсолют», впрочем, оказался настоящим и пролился в горло удивительно мягко.

За те секунды, что я опрокидывал рюмку, Заур уже успел выудить из банки три маринованных огурчика, два из которых тут же вручил мне и гостю. Надо же, какой сервис! Со мной-то он обычно не церемонился. Огурчики, к слову, оказались хороши – хрустящие, чуть остренькие, без примеси песка, нередко встречающегося в последнее время в банках отечественного засола.

– Грибочков все-таки надо было взять, – посетовал Угрюмый. – Бабки у метро продавали, под водку самое оно.

– Да кто знает, чего там у этих бабок, – суетливо возразил Заур. – Один грибочек попадется – и кранты.

У гостя пренебрежительно дернулся уголок рта – напугал, мол, ежа голой задницей. Спорить он, однако, не стал, повернулся ко мне:

– Так ты, в натуре, в архиве работаешь?

Изумился я сильно, но машинально кивнул. Угрюмый, прищурясь, побарабанил пальцами по столешнице:

– Это там, где типа адреса, телефоны и прочая туфта?

Я опять кивнул, пробормотав что-то вроде: «Ну да, и это тоже...» Он хмыкнул, качнул головой и захрустел огурцом с таким скрежетом, точно жевал стекло.

Мне оставалось только молча ждать. Не беги впереди паровоза (или, в более грубом варианте, не суетись под клиентом) – это я выучил твердо.

– Дело есть, пацан, – бросил Угрюмый, дожевывая огурец и наливая еще по стопке.

Следуя правилу, я продолжал ждать. Вопросы типа «а что за дело?» задают только желторотые салаги. Два года общения с не самой законопослушной публикой – достаточный срок, чтоб научиться понимать, когда следует говорить, а когда подержать язык на привязи. Даже если у тебя все кишки страхом скручивает в невыносимо тугий узел – держи марку. Стоит дать слабину – и тебя просто размажут тонким слоем по окружающему пейзажу.

Выдержав паузу, Угрюмый продолжил:

– В общем, так, пацан. Карта легла таким макаром, что у нас друг до друга может получиться обоюдный интерес. Причем для тебя вдвойне приятный тем, что твой интерес можно поменять на рубли в любом обменнике.

– А ваш? – Будь Угрюмый помоложе, я бы, конечно, «выкаты» ему не стал, но он был вдвое старше меня, так что я не рисковал «показать салабона».

– А мой интерес – информация, – угрюмо, в полном соответствии с «погонялом», буркнул Угрюмый. – Как говорится, у тебя товар, у меня купец. Сечешь?

– Секу, – кивнул я. – Типа того, что вам нужно найти какого-то кекса, и за это вы мне заплатите, так?

Угрюмый сунул руку в нагрудный карман:

– Смекалистый парнишка, – усмехнулся он почти одобрительно. – Уточняю. Не одного кекса, а шестерых. Если все будет ништяк, можно будет делать бабло на постоянной основе.

Рука его, наконец, вынырнула из кармана: между указательным и средним пальцем жизнерадостно зеленела сложенная вдвое стодолларовая бумажка.

– Это так, для затравки, – небрежно бросил он, и, уронив купюру на стол, большим пальцем подвинул ее ко мне. – Типа, чтобы закорифаниться.

– Все бы так знакомилась, – в тон «купцу» степенно заметил я. Неторопливо взял банкноту, машинально проверив воротник и букли Бенджамина Франклина, и неожиданно вспомнил о предсказании цыганки. И ведь действительно сто

баксов, ни копейкой не меньше! Правда, на негра Угрюмый не очень походил. Впрочем, как и на человека, которому можно отказать в просьбе. Так что придется плыть по течению и соображать по ходу дела.

- Кого искать-то нужно? - Я постарался, чтобы мой голос звучал максимально равнодушно. Мол, дело есть дело, причем мое - маленькое.

Передо мной моментально появился листок, выданный, похоже, из блокнота, и так же, как зеленая бумажка с Франклином, сложенный вдвое:

- Здесь шесть фамилий, - сообщил Угрюмый. - Такса по полста гринов за адрес. Покойники тоже в счет.

Я мысленно присвистнул: триста баксов на дороге не валяются. Такое сотрудничество мне определенно нравилось. Я сунул бумажку в карман джинсов, а баксы в борсетку и утвердительно кивнул:

- Заметано. Если клиенты в Москве или области, информация будет завтра. По Союзу искать придется дольше. До недели.

- По СНГ? - уточнил Угрюмый. Я кивнул и, в свою очередь, тоже уточнил:

- А вот если они свалили за бугор, в смысле, в дальнее зарубежье...

Он покачал головой:

- Это сильно вряд ли. Не та клиентура, - и неожиданно подмигнул мне: - Как что-то найдешь, звякни Зауру, или... Заур, ручку мне организуй, в темпе.

Заур в мгновение ока извлек откуда-то паленый «Паркер», смахивающий на оригинальный не больше, чем гвоздь на шуруп. Похоже, мой, условно говоря, «начальник» боялся своего гостя, как таракан дихлофоса. По крайней мере, лебезил перед ним, как салага перед дедом. А с учетом того, что я-то сам Заура опасался... Нет, тут уж точно не до споров.

- Дай-ка мне бумажку. - Угрюмый дописал под фамилиями несколько цифр: - Мой пейджер. Как закончишь, маякни, куда подъехать и когда.

– Заметано, – ответил я, бросая в рот ломтик салями. Колбаса была дивно хороша, со вкусом настоящего мяса, а не просаленной, безбожно пересоленной целлюлозы, чем отличалась та, которую иногда впаривали расплодившиеся теперь ларьки.

Мой работодатель поднял рюмку:

– Ну... за сотрудничество.

– Ага, – поднял рюмку и я.

Мы чокнулись и выпили. Заур, разумеется, присоединился.

– Нравишься ты мне, пацан, – неожиданно по-свойски усмехнулся Угрюмый, тоже пожевывая колбасу. – Вопросов глупых не задаешь, базаришь по делу, не ссышь... Чувствую, сработаемся. Куришь?

Я кивнул, достал из кармана «Столичные» – белую пачку с кругом красных звездочек – и протянул Угрюмому, в душе мелко злорадствуя: Заур не курил и курильщиков не одобрял в принципе, тем более у себя дома. Но Угрюмому, разумеется, ничего запретить не мог. Даже наоборот – моментально извлек откуда-то старую пепельницу в форме восточной туфли а-ля Маленький Мук и водрузил ее на стол между нами. Радужный хозяин, блин!

– Не, я свои посмолю. – Угрюмый вытащил из бокового кармана папиросу, отработанным движением закрутил мундштук безупречной блатной «козой», прикусил, потом щелкнул зажигалкой «Зиппо», от которой сладковато пахло бензином. Прикурив сам, он поднес огонек и к моей сигарете.

Пока мы дымили, у Угрюмого пискнул пейджер. Бросив взгляд на экранчик, он, точно подводя итог встрече, легонько хлопнул ладонью по столу:

– Так, братаны, мне пора валить. Накатим по последней, и по коням, – и начал разливать водку.

Ей-богу, он вел себя так, словно хозяин тут был он, а не Заур. И ведь, что интересно, не наглел, не хамил, наоборот, был вполне вежлив. Пожимая на

прощанье хозяйскую руку, не забыл поблагодарить:

– Спасибо, Заур. С меня причитается.

– Ну что вы, – суетливо отмахнулся Заур, в глазах которого все еще плескался плохо скрываемый испуг. – Всегда рады таким гостям. Заходите еще.

– Угу, – буркнул Угрюмый, поворачиваясь ко мне. – Ну, бывай, пацан. Жду хороших новостей, – и, крепко пожимая мою руку, еще и по плечу похлопал, вроде как по-дружески.

– Мне, пожалуй, тоже пора, Заур, – сказал я, стягивая с вешалки свою ветровку. – Кстати, кассеты, которые ты хотел, я принес, забери, да я пойду.

Пока Заур забирал у меня пакет с кассетами, Угрюмый успел надеть куртку и выйти. Почему-то мне показалось важным выйти вместе с ним, но когда я не больше чем через минуту оказался за дверью, Угрюмый уже исчез. Как испарился, честное слово.

Наверное, я просто не заметил, что промедлил. Все-таки двести граммов водки на пустой желудок – хоть и с приличной закуской – не так уж мало. В голове слегка шумело, и окружающий мир казался не совсем реальным, как будто я попал внутрь какого-то фильма.

Пока я высматривал обменник, решив половину оставить про запас в зелени, а остальное потратить, пока шагал в сторону дома, пока затоваривался в окрестных ларьках, обдумать успел довольно много. Хотя чего там было обдумывать? Что Угрюмый успел побывать на зоне – это и к бабке, что называется, не ходи. И людей из выданного мне списка он ищет явно не для того, чтоб объясниться в любви... А зачем? Убить? Скажем, отомстить за что-то... Если так, то мои дела плохи. Я окажусь свидетелем, а лишний свидетель в такой ситуации никому не нужен. И меня почти наверняка уберут заодно с этой пока неизвестной шестеркой. Получит Угрюмый информацию и прикопает меня потихому. И на Заура мне надеяться нечего – вон он как боялся своего гостя...

Да уж, похоже, права была цыганка – и насчет черного человека, и насчет того, что связываться с ним не стоит. Вот только деваться мне уже некуда. Деньги получены, и не выполнить заказ будет еще опаснее.

Глава 3. Милицейская шестерка

Располагавшееся неподалеку от архива кафе, где я назначил встречу с Угрюмым, звания «кафе», строго говоря, не заслуживало – так, забегаловка-наливайка, вполне соответствующая и испортившейся погоде, и моему настроению. Но меня этот вариант более чем устраивал, так как там всегда былолюдно, да и от метро близко, что рождало пусть и иллюзорное, но все же чувство безопасности. Хотя я и сам понимал, насколько это смешно. Если, получив информацию, Угрюмый решит избавиться от ее источника, то бишь от меня, то его ничего не остановит.

Интуиция не подвела – задание действительно оказалось с подвохом. Все интересующие Угрюмого фигуранты нашлись довольно быстро – один на этом свете, а остальные на том, поскольку уже поселились на самом постоянном из всех возможных мест жительства. О и поныне здравствующем уроженце Зеленограда я смог узнать немного – только то, что ему семьдесят шесть лет и он какое-то время жил в Москве, а затем оказался в Твери, тогда еще носившей имя всесоюзного старосты дедушки Калинина, и до сих пор обретался там же. Зато о покойниках, информация о которых после смерти, как водится, была передана из паспортных столов в архив, сведений оказалось побольше. Я смог даже взглянуть на их фото, и увиденное мне крайне не понравилось, потому что трое из пяти на снимках были в форме – двое в милицейской, один в прокурорской. Судя по годам рождения, все покойники были более или менее ровесники единственному оставшемуся в живых, плюс-минус лет десять. Первый из них скончался в год московской Олимпиады относительно молодым, недотянув и до полтинника, последний умер пару лет назад, что, в общем, неудивительно для человека в возрасте хорошо за восемьдесят.

Догадаться или, во всяком случае, предположить, зачем столь похожему на уголовника типу, как мой заказчик, могли понадобиться данные ментов, было несложно. Очень похоже, что вышедший наконец на долгожданную свободу зэк решил свести счеты с теми, кто много лет назад этой самой свободы его лишил. А раз так, то и я невольно оказывался в какой-то мере соучастником его будущего преступления – пусть большинства уже и нет на свете, но один-то жив... Еще жив. Может, пока не поздно, вернуть Угрюмому деньги и отказаться от работы? Но возвращать было уже нечего, почти половину долларов я

истратил. А что, если сказать, что сумел отыскать только пятерых – они все равно уже мертвы – а последнего, живого, не нашел? Нет, это слишком рискованно. Угрюмый не дурак, он ни за что не поверит такому шитому белыми нитками вранью, и тогда... Страшно подумать, что тогда. Не зря ведь Заур его так боится.

В конце концов я утешил себя тем, что о моей роли в этом деле никто не узнает. Даже если Угрюмый и убьет последнего оставшегося в живых мента, я тут ни при чем. С тем же успехом он мог бы найти этого мужика и через адресное бюро. Или адресное бюро не дает координаты работников органов? Ладно, хватит об этом думать, все равно ничего дельного не придумаешь.

Я скинул на пейджер Угрюмого сообщение с предложением встретиться, и хотя пришел в кафе за пять минут до назначенного времени, увидел, что заказчик уже сидит за дальним столиком, склонившись над подозрительного вида шашлыком.

– Ну и местечко ты выбрал, – буркнул Угрюмый вместо приветствия, окидывая взглядом незатейливые интерьеры кафе-«стекляшки» и столь же незатейливых посетителей. – Ладно, раз уж пришли, не уходить же... Что хавать будешь?

Вел он себя так, будто мы с ним корешились с детства. Ну что же, от халявы я никогда не отказывался и взял себе порцию пельменей и пиво.

Угрюмый хмыкнул, одобряя мой выбор:

– Надо было и мне пельмени брать. Шашлык тут – дрянь. Чтоб их повар сам таким давился.

Я не стал отдавать материалы прямо с ходу: начнешь прогибаться, так и будут за шестерку держать, сядут верхом и поедут. Вообще-то, я не исключал, что Угрюмый рявкнет, но он вежливо подождал, и лишь когда я почти доел, произнес:

– Ну не тяни кота за яйца. Нарыл что-нибудь?

– Если б не нарыл, то стрелу не забивал бы, – максимально солидно ответил я, вытаскивая из пакета канцелярскую папку на завязочках, в которой были аккуратно сложены ксерокопии всех найденных мной документов. – Получите-распишитесь...

Мой заказчик нахмурился, взялся за конец завязочки, потеревил в пальцах. Словно с духом собирался, честное слово.

– Дело номер... – задумчиво прочитал он надпись на стандартной канцелярской наклейке. – Ты гляди, какая ирония: всю жизнь шили дела кому ни попадя, а тут сами в дело попали. «Истлевшим цезарем от стужи заделывают дом снаружи...»

Последний пельмень встал у меня поперек горла. Наверное, если бы ворона на улице заговорила по-французски, я и то изумился бы меньше. Зэк, читавший «Гамлета»? И не просто читавший, а запросто цитирующий? Да уж, ничего себе! Не прост сей гражданин, совсем не прост....

Гражданин меж тем, так и не справившись с намертво затянувшимися завязками на папке, выругался и поступил, как когда-то Гордий – разрубил неподдающийся узел. Точнее, не разрубил, а разорвал: дернул посильнее, и одна из завязок не выдержала. И начал изучать сделанные мной ксерокопии.

Первым с выцветшей фотографии на него глянул прокурор. При виде этого, видимо, знакомого лица Угрюмый зло сощурился и рыкнул сквозь зубы:

– Спекся, сука, думал, вечно тебе гулять, мышиный туз? – но, словно устыдившись выхлестнувших наружу эмоций, пояснил, обращаясь ко мне:

– Та еще гнида. А вот и другой, тоже редкостная скотина... Ага, – хмыкнул он, пробежав глазами скудные строчки. – Вовремя сдох, паскуда. Из тех мест, – Угрюмый поднял глаза к темному, как будто продымленному потолку, – выдачи нет. Повезло ему...

Понимая, что комментарии тут неуместны, я молча ждал.

– Слышь, Грек, – обратился ко мне Угрюмый, дочитав последнее досье. – Можешь сгонять пока за пивом? Не в службу, а в дружбу?

– Не в службу, а в дружбу могу, – согласился я и двинулся к стойке, стараясь не оборачиваться. Просто потому, что был почти уверен: пока я хожу за пивом, заказчик уйдет. Документы он уже получил, так зачем еще раскошелиться, когда можно просто кинуть зеленого пацана? Меня то есть. Ничего, пусть. Сотка баксов – более чем достаточно за мои не столь уж тяжкие труды, а что касается обещанных еще двух сотен, так и ну их. Невелика цена за то, чтоб никогда больше не видеть такого заказчика. Предупреждение цыганки – не бери деньги у черного человека – по правде сказать, довольно сильно царапало где-то внутри. Действительно, черный человек... Пусть уж лучше уходит со своим заказом, радуясь, что развел лоха.

К своему удивлению, вернувшись за столик, я застал Угрюмого на месте – он снова задумчиво созерцал снимок покойного прокурора, сделанный, видимо, уже на закате отданной борьбе с преступностью жизни.

– Что время с людьми делает! – покрутил головой Угрюмый, забирая у меня кружку и щелкнув пальцем по прокурорскому фото. – Видел бы ты его лет тридцать назад! Хоть плакат рисуй – наша милиция нас бережет... бесплатно катает, бесплатно стрижет. Красавец был! Прямо орел! Бабы небось штабелями падали. А тут... кусок г-г... глины, ей-богу.

Он явно собирался сказать другое слово, но почему-то поправился. В этом человеке вообще было много непонятного. Да что там – практически все в нем было непонятным, включая мою собственную реакцию на него. Его злость на ментов казалась не просто искренней, а как будто бы оправданной. От него исходило некое странное обаяние, одновременно и пугающее, и притягательное.

Угрюмый показал мне кружкой на стул, садись, мол, и убрал документы в папку.

– Готово дело, Грек. – Он выудил из нагрудного кармана кожаный бумажник, окаймленный неаккуратной оборкой купюр, выдернул несколько и протянул мне, даже не взглянув на номинал.

Я, чувствуя внутри странный холодок, принял три бумажки, быстро проверил их большим пальцем. Шершавые. Значит, не подделка. И неожиданно для самого себя брякнул:

– Вроде ж по полтиннику за имя договаривались?

– Что не так? – зыркнул на меня Угрюмый. – В руках у тебя сколько?

– Ну так сотня же авансом была...

Кретин, ругал я себя, нашел время честность продемонстрировать! Ты таких денег и в руках-то никогда не держал, а уже на форс давишь. Но сказанное – сказано, фарш назад не провернешь.

Угрюмый глядел на меня с нескрываемым интересом:

– А ты ниче, пацан... Забей, – он усмехнулся, и я заметил тонкий, почти незаметный шрам, тянущийся от нижней губы к подбородку, – это не аванс был, а так, для знакомства и за беспокойство. Так что все нормуль, не парься. Да и невелико бабло, так, малка без козыря. Эти фигуры, – он дернул локтем в сторону папки, – чисто типа проверить, можешь ты чего или Заур так, попусту базарил, сечешь?

Я кивнул: секу, мол.

Угрюмый подался вперед, облокотился о пластиковую, облупленную кое-где по краям столешницу:

– Теперь перетрем за реальное дело, – проговорил он совсем тихо. – Придется подрыгаться, но и бабло другое будет. Тема такая: в шестидесятых в одном мордовском усилке, в одной черной хате чалилось семь блатных....

– Слушайте, – перебил его я, неожиданно для самого себя немного осмелев, – можно по-русски? А то я и половины не понимаю.

– Тьфу ты, я забыл, что ты ж по фене не ботаешь, – добродушно усмехнулся Угрюмый. – Короче, в мордовской зоне усиленного режима сидели семь человек. Точнее, девять, но двое из них безникуму... то есть нас не интересуют. Нужны именно семеро. Я их знаю только по фамилиям, погонялам да по номерам учеток, ну и номер отряда знаю, реально. А мне позарез надо разнюхать про них все, что можно.

– То есть я должен по номерам их уголовных дел, или как там это называется на зоне, найти их нынешние адреса? – уточнил я.

– Смекаешь, – кивнул он. – Пригодится все, что нароешь, но первым долгом ФИО и адрес прописки. Хотя бы и на кладбище, без разницы.

Угрюмый откинулся на спинку неудобного стула и слегка потянулся.

– Оплата по три сотни за голову. Ясен пень, зеленью.

Видимо, на моем лице отразились какие-то эмоции, потому что он снова усмехнулся и зачем-то пояснил:

– Не думай, это я не из своего кармана башляю. Я, честно, сам не знаю, за что столько кидают, дельце-то вроде пустяшное.

– Не скажите, – возразил я, подаваясь вперед: начинался предметный разговор. – Это будет посложнее, чем с ментами. В наших городских, ну то есть в открытых архивах полной информации на сидельцев нет. Все основное в МВД, а туда так просто с улицы не заглянешь.

– Придумай что-нибудь. – Угрюмый отодвинул пустую кружку. – И не тяни. Заказчик копытом бьет, вынь да положи ему моих ко... клиентов. Так что действуй. У американских покойников помощи попроси.

Я непонимающе глянул на него, и Угрюмый щелкнул себя по нагрудному карману, где лежал бумажник:

– Ну, типа забашляй, кому следует, сечешь?

– Угу, – буркнул я. – Ментам. Чтоб меня сразу и упаковали. Да еще и насторожились вдобавок, что кому-то их архивы зачем-то понадобились.

– Так чего, без мазы, что ли? – В голосе Угрюмого смешивались разочарование, нетерпение и неприкрытое раздражение.

– Не совсем. Шансы есть, хотя ждать все равно придется, – вслух рассуждал я. – Иногда МВД приглашает наших поработать в свои архивы. Когда у них самих рук не хватает. И такое часто бывает, у них полторы калеки на весь документооборот. Вот если дождаться такого случая...

– То есть, – перебил он меня, – если ты там окажешься, сможешь наколупать то, что надо?

Я кивнул:

– Смогу, – и объяснил, скромно, но с достоинством улыбаясь: – Все бумаги судебной системы копируются для архива. Сами посудите: поймают они какого-нибудь типа – как узнать, рецидивист он или нет? А мало ли где поймают, замучаешься по разным отделениям запросы рассылать. Потому каталогизация у них хорошо поставлена, а я ж все-таки в системах хранения понимаю, по номеру учетки концы найти недолго. Так что, когда я окажусь у ментов в архиве, то наберу уже побольше сведений о фигурантах, а не только имена, даты и адреса. Я ведь правильно понимаю, что информации чем больше, тем лучше?

– А у тебя, пацан, бестолковка-то алмазная, – с одобрением хмыкнул Угрюмый и фамильярно постучал меня по лбу. – Я тебе за твой интерес говорил? По три сотни за имя, сечешь? А если не будешь резину тянуть, то еще и за скорость накинута. Сделаешь быстро – обломится тебе три куска.

Я слушал его и не верил своим ушам. Три тысячи долларов?! С ума сойти, это ж иномарку можно купить! При всем желании мне не удавалось придумать повод, который мог бы заставить кого-то платить такие деньги за сведения о бывших зэках. Так что все это выглядело не просто подозрительно, оно выглядело...

Точно подслушав мои мысли, Угрюмый хлопнул меня по плечу:

– Не дрейфь, пацан, не обидим. Я тебе хоть и не кум, и не сват, но дурить тебя мне без мазы. Лучше своего человека в архивах держать, всегда может выплыть дельце какое-нибудь. Зуб даю – не кину, не разведу и мочить не буду... если не заложишь и резину тянуть не станешь.

Я приложил все силы к тому, чтобы мое лицо стало непроницаемым. Но совсем не был уверен, что из этого что-то получилось.

Послышалось какое-то треньканье, и я не сразу понял, что это звонит пейджер Угрюмого. А тот вытащил его из кармана, быстро глянул на экранчик, снова убрал и чуть нахмурился.

– Слушай, ты вот чего, в следующий раз не забивай стрелу в таких отстойных кабаках, выбери что-нибудь покруче. Знаешь что... а давай, как у тебя выгорит, в Сандуны пойдём? Ты как к баньке относишься?

Под солнечным сплетением как будто ледышка заворочалась. Я знал от корешей, что идти в баню с блатным – это все равно что играть в русскую рулетку. Можно выйти оттуда своим в доску, а можно, случись что – не тот жест, да хоть немного не тот взгляд – и не выйти вовсе. Но именно поэтому отказываться было никак нельзя. Слабаков размазывают. После своих недавних приключений я усвоил твердо: сколько от неприятностей ни бегай, они тебя все равно настигнут, и чем дольше ты бегаешь, тем хуже будет финал. Поэтому теперь я встречал все вызовы, как говорится, лицом к лицу, с поднятым забралом. Хотя зачастую и с трясущимися коленками. Но коленок твоих никто не видит, а вот лицо...

– Эх, – мечтательно протянул я, – года три уже в баньке не был, а в Сандунах так и вовсе никогда. Хоть и москвич коренной. Смешно даже. Но попасть бы не отказался.

– Тогда готовь веник и полотенце. – Угрюмый опять хлопнул меня по плечу. – Ну покедова, Грек, поплыл я.

– Счастливо, – пожелал я, размышляя, как доберусь домой. На улице уже сгустились сумерки, до дома не два шага, а главное, нет никакой уверенности, что никто не видел, как Угрюмый отдавал мне деньги.

Триста долларов по нынешним, отнюдь не простым временам – немалая сумма, убивают и за гораздо меньшее. Взять такси? Тоже бабка надвое сказала, как оно обернется, всякое рассказывают... Так что всю дорогу до дома я чуть не Джеймса Бонда изображал, выбирал самые людные улицы, самые освещенные тротуары, но и толчеи при этом старался избегать. И оглядываться тоже остерегался, хотя несколько раз, притормозив у какого-нибудь ларька, исподволь осматривался. Вроде чисто. Засечь преследование – если оно вообще было – я не сумел.

В общем, добрался без происшествий. Почти у самого подъезда огляделся еще раз. Впрочем, так делали многие, опасаясь, чтоб никто за ними не проскользнул, грабежи в подъездах стали печальной обыденностью. Но вокруг, к счастью, никого не наблюдалось. В смысле, никого подозрительного. Ну то есть почти никого...

На другой стороне улицы, довольно далеко от меня, зато прямо под фонарем стояла давешняя цыганка. Точно – она. Хотя одета по-другому. Теперь на ней был ярко-синий пушистый свитер, а пестроту юбок скрывала темнота. Я замер, не в силах сделать ни шагу....

Справа, на перекрестке, мигнул, переключаясь, светофор. Плююсь черным дымом и даже, кажется, переваливаясь с колеса на колесо, протащился замызганный автобус...

Я сморгнул. Цыганки у фонарного столба не было. Померещилось? Но я видел ее так ясно...

Уже не особо сторожась, я опрометью, прыгая через две ступеньки, кинулся к себе на этаж.

– За тобой что, черти гонятся? – приветствовал меня отец, когда я ворвался в нашу миниатюрную прихожую, на ходу сбрасывая куртку и новенькие, купленные с угрюмовского задатка кроссовки «Найк». Из прихожей я видел телевизор на кухонном подоконнике и самого папу, сидящего на угловом диванчике с чашкой чая. На экране дряхлого черно-белого телевизора размахивал крыльями беркут. Начиналась любимая отцовская передача.

– Программа «600 секунд» представляет пр-р-хр-р-хр, – закадровый голос сбился на хрип и шипение: Пятый канал у нас брал плохо. Влетев на кухню, я отвесил телевизору оплеуху, после чего из помех на экране выкристаллизовалось лицо Невзорова, которого мой отец величал не иначе как «Неврозов». Действительно, новости в его подборке и исполнении вполне годились на то, чтоб довести до невроза.

– На Сибирском химическом комбинате в Северске в Томской области произошел выброс радиоактивных веществ в атмосферу, – жизнерадостным тоном сообщил

«Неврозов». – По сведениям нашего корреспондента, более двух с половиной тысяч человек могли подвергнуться облучению. Радиационная ситуация...

– Можешь поздравить меня с прибытком, – сообщил я отцу, вытаскивая из борсетки две светло-зеленые сотенные бумажки (третью я заначил на собственные неконтролируемые расходы).

– Тебе что, Заур столько заплатил? – удивился отец (он был немного в курсе моего бизнеса). – Сразу двести долларов? Что-то многовато...

Говорил он теперь, как покойный Брежнев, точно жевал что-то, но я научился разбирать его шамканье.

– Да нет, дождешься от него, как же, – вздохнул я. – Просто халтурка выгодная подвернулась.

– Не нравится мне это, – пробормотал отец, наливая мне чай, хотя я его об этом не просил.

Конечно, я его понимал. Отец был против моего бизнеса: хоть я и не делился с родителями никакими подробностями и уверял их, что у меня все ровно и безопасно, верила в это только мама, и то не очень. Отец же явно догадывался, насколько рискованно то, чем я занимаюсь, и ему это не нравилось. Хотя, можно подумать, мне самому это нравилось. Но что делать? Мы не выбираем время, в котором живем. А родители все никак не могли понять, что теперь нельзя, как совсем еще недавно, полагаться на государство. Что есть только один выход: трепыхаться и крутиться, а значит, рисковать. И лишь надеяться, что это не продлится вечно и со временем все станет как-то по-другому.

– Пап, ты же знаешь. – Я положил в чай неполную ложку сахара. Вообще-то я люблю послаще, две ложки, а лучше даже три, но уже привык экономить. Пусть талоны на дефицитные товары и отменили больше года назад, но с сахаром, как и со многими другими продуктами, все еще случались перебои. – Я занимаюсь бизнесом не от любви к приключениям, а потому что деваться некуда. Если я это брошу, мы помрем с голоду.

Он не ответил, и я тут же пожалел о своих словах. Говорить так было жестоко. Папа ведь не виноват в том, что его, еще не старого и, в общем, крепкого

мужика разбил insult. Он, конечно, старался победить беспомощность и сейчас двигался гораздо лучше, чем два года назад. Но левая сторона слушалась все еще плоховато, и мне даже представить страшно было, какие мысли роятся в его голове, каково это – чувствовать себя обузой? Не виноват ведь он и в том, что все коммунистические идеалы, казавшиеся такими незыблемыми, осыпались красно-золотой трухой, как краска с гипсового памятника. За какие-то несколько лет рухнуло все, и большая часть страны вдруг оказалась у самого порога нищеты. Отцовская пенсия по инвалидности – это ж слезы. Как, впрочем, и моя официальная зарплата, и мамина. Да и выдавали ее как попало, я уж и забыл, когда это случалось вовремя. И отец тут уж точно ни при чем. Но... зря он меня упрекает. Не за что. Я делаю что могу. И нам, по правде говоря, еще повезло, что у меня хоть как-то получается...

– Посмотрите, – вещал из телевизора Невзоров. – Ведь этот подъезд как будто специально приготовлен для нападений. Честное слово, на его полуобрушенном козырьке надо светящуюся вывеску поставить: «Насиловать здесь».

Я обнял отца:

– Прости. Я... устал просто. А ты не нервничай так, все обойдется. Наоборот, радоваться надо – знаешь, на сколько нам этой зелени хватит?

Он повел носом:

– Опять выпил?

Ох ты господи! Мне что, семнадцать лет?! Но для отца все эти мелкие, хотя и порядком раздражающие «как положено» были ощутимой привязкой к тем временам, когда все действительно было «как положено». Так ему казалось, что он по-прежнему «контролирует ситуацию», какой бы она ни была. Поэтому вслух я произнес примирительно, как будто оправдывался:

– Пап, мне пришлось. Ничего страшного. Пару кружек пива. Была деловая встреча, и... ну так сейчас принято, понимаешь? Что называется, согласно протоколу...

Он поднял голову. В его глазах, как непролитые слезы, стояла тоска. Все он понимал, все. И про «контроль над ситуацией», и про «как положено»...

– Да все в порядке, пап, – поспешил заверить я. – Я буду осторожен. Я всегда осторожен. Честно. – Я постарался, чтобы это прозвучало как можно более убедительно. Что поделаешь, если мы с отцом, по сути, поменялись местами: теперь «контролировать ситуацию» приходится мне. Просто потому что больше некому.

– Ты уж постарайся, – медленно кивнул он. – Очень хорошо постарайся. Видишь, что вокруг творится?

– Это уже полный беспредел, – подтвердил отцовские слова телевизионный Невзоров. – Как всем известно, «новых русских» частенько, да почти всегда хоронят со всей полагающейся атрибутикой. Костюмы от Версаче, цепи, «гайки», «котлы» и даже набитые баксами бумажники. И вполне понятно, что подобные погребения так и манят кладбищенских мародеров. Но последний случай – это не банальное ограбление могилы. Это уже полный вандализм. Сразу после похорон неизвестные вскрыли могилу криминального авторитета Мамазяна по кличке Мазай, отрезали покойнику голову, а тело расчленили и сожгли...

– И охота тебе каждый день смотреть эту чернуху... – Я покосился на таймер в верхнем правом углу экрана, отсчитывающий секунды до окончания передачи.

– У тебя все получится, – вдруг неожиданно проговорил отец. – Должно получиться. Я верю в это, мой мальчик.

В глазах неожиданно защипало, и я поспешно отвернулся к телевизору. Еще не хватало, чтобы отец увидел мои слезы. На экране был репортаж о возвращении церкви и реставрации какого-то старинного храма – видимо, Невзоров и сам устал от собственной чернухи и решил завершить передачу хоть на какой-то жизнеутверждающей ноте.

* * *

«Счастливого случая» пришлось ждать совсем недолго, меньше недели. В пятницу, явившись в свой родной архив пораньше, я только-только и успел глотнуть кофе – купленного мною же два дня назад, но уже наполовину «освоенного» коллегами, – как раздался глас небес. Ну то есть вызвало руководство.

– Из МВД разнарядка, – буркнул мрачный, как ноябрьский вечер, начальник Василь Василич. – Срочно подмогу просят.

«Просят» было, разумеется, чистой фигурой речи – попробовали бы мы отказаться от их «просьб».

– Нам нужно назначить добровольцев, – все так же мрачно пошутил шеф. Чувство юмора у него было, как бы это помягче, специфическим, а любимая шутка звучала так: «Деньги портят людей, поэтому у нас такой хороший коллектив».

Я не стал дожидаться традиционных разборок – кто кому будет должен в случае исполнения и, главное, неисполнения и сказал:

– Ладно, Василь Василич, давайте я сметаюсь. В первый раз, что ли.

Шеф воззрился на меня поверх очков. Очки у него, кстати, были знатные – как у главного пирамидостроителя страны господина Мавроди, да и сам шеф чем-то на основателя МММ смахивал.

– Феофан, ты ли это молвил? – Поняв, что уговаривать и грозить карами не придется, Василь Василич даже слегка расстроился. Ну а раз сорвалось главное начальническое развлечение, решил отыгаться словесной эквилибристикой. – Тебя искусал ударник коммунистического труда? Где ты его нашел, вроде всех повывели? Что-то не упомяну, чтоб ты хоть раз проявил производственный энтузиазм. Только ныл непрерывно: «У меня работы навалом».

Ну, положим, я не ныл, но отмазывался всеми доступными способами: аппаратура-то для перезаписи тут стоит, а левый заработок давно уже стал основным, иначе черта с два я бы продолжал тут торчать. Так что доля истины в его словах была. Но вслух я сказал совсем другое:

– Да сейчас я вроде не особо загружен, – и скромно потупился, подумав, что актерство – не моя сильная сторона. – А просто так сидеть скучно.

– Вот уж в чем в чем, а в безделье я тебя до сих пор не замечал, – аккуратненько подколол шеф, наверняка догадывавшийся обо всех моих делишках, все-таки

мужик он был неглупый. – Как ни загляну, все копошишься. А уж расходников на тебя сколько идет... – Он картинно махнул рукой, но углубляться в тему не стал. – Ну вот и договорились.

В милицейских архивах – не то что у нас – все постоянно движется и перемещается, звонки и запросы с требованиями информации льются круглосуточным потоком. И отношение к процессу другое: каждая пара рук (тем более если при них голова не совсем бестолковая) на счету. Так что когда я намекнул, что могу и задержаться после окончания рабочего дня, это вызвало не подозрения, а совсем наоборот. Меня угостили чаем, выдав к нему бутерброд с вполне приличной докторской колбасой, одарили талончиком в служебный буфет и, кажется, готовы были медалью наградить. Была б медаль «За безотказность», точно бы наградили.

После семи рабочая суматоха немного поутихла, я звякнул домой, мол, задержусь, использовал буфетный талончик и отправился на поиски интересующих меня сведений. Дежурной сотруднице – пухленькой молоденькой блондинке с удивительно шедшим ей редким именем Снежана – я наврал, что собираюсь написать книгу об узниках репрессий и собираю для нее материал. Это произвело должное впечатление – Снежана с уважением поглядела на меня и не то что не стала задавать никаких лишних вопросов, но даже предложила свою помощь и сама проводила меня в нужный отдел.

То, что мне требовалось, пылилось в отдельной секции управления лагерями, безнадежно задвинутой чуть не на самую периферию архива. Едва я приступил к поиску, как меня отвлекли: на Казанском вокзале задержали компанию подозрительных кавказцев. Пришлось часа два раскапывать их послужные списки, без всякой причем уверенности, что они существуют. Но списки существовали, и незадолго до десяти я смог вернуться к своим клиентам. К половине одиннадцатого нужные папки уже лежали передо мной на столе. Так как о доступе к ксероксу в этом месте для меня не могло быть и речи, предстояло переписать всю необходимую информацию вручную.

Несмотря на то что Угрюмого интересовали только семь из сокамерников, я на всякий случай нашел дела всех девяти. Что греха таить, мне и самому было любопытно, что это за зэки такие, за сведения о которых кто-то готов платить такие бешеные деньги.

Самым первым мне попался некто Мамазян Гарик Суренович. С фотографии смотрел немолодой армянин с крупным усталым лицом, которое украшалось мясистым носом и увенчивалось высоким, с залысинами, лбом. И я сразу узнал его, несмотря на то что на снимке, мелькнувшем недавно в репортаже Невзорова о кладбищенских вандалах, он выглядел старше. Но у меня действительно хорошая память, в том числе и на лица. Так что теперь одного взгляда на снимок было достаточно, чтобы задуматься, можно ли считать интерес Угрюмого к персонажу передачи «600 секунд» случайным совпадением.

А следующей шла «лишняя» папка – дело зэка, который Угрюмого (или, как он уверял, его заказчика) почему-то не заинтересовал. На снимке я увидел совсем молодого худощавого мужчину с задумчивым, будто обращенным куда-то внутрь взглядом светлых глаз. Он показался мне немного похожим на меня самого. Во всяком случае, на зэка он уж точно никак не был похож. Скорее на художника или кого-то в этом роде.

Пролистнув материалы, я узнал, что Андрей Петрович Зеленцов родился четырнадцатого октября сорок первого года. Его отец погиб на фронте в сорок третьем, мать (в документах значилось, что она работала на ткацкой фабрике) умерла в пятьдесят втором. Дальше детдом (я на всякий случай записал, какой именно, мало ли что), потом – надо же, Суриковское училище, я угадал. Специальность – художник-график. Осужден девятого февраля шестьдесят третьего года (в двадцать два, получается) по восьмьдесят седьмой статье УК на срок пять лет с отбыванием наказания в колонии особого режима.

Заклучала дело копия отпечатанной на машинке справки:

«Выездным заседанием Республиканского суда от 1 августа 1965 года... срок заключения по статье... снижен до трех лет с последующим выведением на поселение...»

Поверх неровных строчек красовалась внушительная печать.

Почему-то мне стало жаль давнего незнакомого мне мальчишку, который угодил на зону, будучи совсем молодым, даже моложе меня. Интересно, что это за статья такая, по которой его осудили? Надо будет посмотреть в библиотеке Уголовный кодекс.

Отложив в сторону дело Зеленцова, я открыл следующую папку, номера которой тоже не было в списке. И, в общем-то, даже особенно и не удивился, когда с фотографии мрачно, вприщур, на меня глянул Угрюмый...

Глава 4. Чудное виденье

Поблуждав слегка в переулках возле бывшей улицы Жданова, а ныне Рождественки, я оказался, наконец, в фойе знаменитых Сандуновских бань. Фойе? Я сам не знал, почему вдруг в моих мыслях выскочило это театральное словечко, но окружающее и впрямь очень походило на театр, а уж точно не на баню. Возле касс – тоже напоминавших театральные – сидел мой заказчик, читая какую-то пеструю бульварную газетенку, судя по голым задницам на обращенной ко мне первой странице, «СПИД-инфо».

Теперь, ознакомившись заодно и с его делом, я знал об Угрюмом довольно много, что не очень-то радовало. Хотя многое оказалось столь же интересным, сколь неожиданным. Даже имя: его звали как Белинского – Виссарионом. Усольцев Виссарион Иванович. И год рождения. Я был уверен, что ему где-то между сороковником и полтинником, а выяснилось, что он родился в тридцать пятом. Получается, всего через два года ему стукнет шестьдесят. Отец мой и то младше.

Еще одним открытием стало то, что Угрюмый – коренной москвич. Родился в семье сотрудника следственного управления НКВД полковника Усольцева, учился в спецшколе при Наркомате внутренних дел и в пятьдесят третьем собирался поступать в училище МГБ (именно так к этому моменту стал именоваться всесильный НКВД). Но к экзаменам допущен не был: после смерти «отца народов» Хрущев, опасаясь мятежа, тут же арестовал Берия по обвинению в подготовке государственного переворота. Под раздачу попали многие, в том числе и отец Угрюмого, а вскоре и сам Виссарион был арестован и осужден по целому букету статей, причем «выписанные» ему пять лет по не указанным в деле причинам были продлены еще на два года. Вышел Угрюмый только в шестидесятом, а через три года снова отправился на зону, уже по другим статьям.

Я записал номера статей, а на следующий день заглянул в библиотеку и сверился с Уголовным кодексом. Первый раз Угрюмому предъявили недонесение и укрывательство, сопротивление или препятствование власти, уклонение или отказ от дачи показаний, а также – неожиданно – хулиганство. Второй срок Виссарион получил по статьям уже вполне криминальным – незаконное лишение свободы, истязание, умышленное причинение тяжких телесных повреждений.

Отыскать сами дела, по которым проходил Угрюмый, мне не удалось, слишком мало времени было в моем распоряжении. Зато в его тюремном досье я встретил все знакомые фамилии из первого данного мне Угрюмым списка. Тот единственный, кто до сих пор был еще жив, служил следователем в Мосгорпрокуратуре, вел первое дело Виссариона Усольцева, а по второму проходил уже потерпевшим и получил инвалидность второй группы.

Листая Уголовный кодекс, я заодно поинтересовался и статьей, по которой был обвинен художник Зеленцов. Она звучала как «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг». То есть, в переводе на русский язык, тот парень был фальшивомонетчиком...

– Тебе, Грек, погоняло не в масть, – заявил Угрюмый, заговорщицки подмигивая. – Тебе бы Валерий Борзов зваться.

– С какой стати? – не понял я.

– Шустрый очень, – хмыкнул он, подавая в кассовое окошечко деньги. – Два.

– В номер или... – глухо послышалось из глубины.

– Дядя, мы что, похожи на голубков? – поинтересовался мой спутник вроде бы очень спокойно, но с такой интонацией, что на месте кассира я провалился бы сквозь пол. Во избежание, так сказать. – В общую, само собой. Ты что, вовсе без понятия? За такие предположения можно и... – он не договорил, позволив проштрафившемуся самому догадаться о возможных последствиях своей ошибки. – Усек?

– Наше дело маленькое, – донеслось из окошечка. – Мы по инструкции спросить обязаны. Вы уж не сердчайте, голубчик...

Даже впечатлившись «фойе», я все-таки не ожидал той роскоши, что встретила меня внутри. Колонны и золотая лепнина почему-то вызвали ассоциацию с восточными дворцами (ни одного из которых я, впрочем, не видел, только «Тысячу и одну ночь» читал), а раздевалки вполне сошли бы за библиотеку где-нибудь в Сорбонне или в Оксфорде – только книг и не хватало, а так все выглядело более чем академически. Войдя в одну из кабинок, напоминавшую исповедальню католического собора, только чуть побольше, Угрюмый сложил столик, прикрыв им зеркало, и принялся раздеваться и сгружать в небольшой сейф с кодовым замком свою цепь, перстень, «Ролекс» и бумажник.

Я тоже стал разоблачаться, осторожно поглядывая на Угрюмого. Не из любопытства, а чтобы не выглядеть дураком. Когда не знаешь, как себя вести, лучшее средство – подражать тому, кто чувствует себя уверенно.

– Всех нарыл? – спросил мой заказчик, выходя из кабинки. Я кивнул и поспешил за ним. – Сколько жмуров?

– Двое, – ответил я. – Сабуров Карим Маликович...

– Байбут, – кивнул мой работодатель. – Добегался. Как он представился?

– На разборке застрелили, – ответил я. – Минувшей осенью, в ноябре.

Эти сведения я тоже почерпнул из милицейских архивов, но уже не тюремных, а из сводок о происшествиях. Отрабатывая ту баснословную сумму, которую мне посулили, я вытряс информацию о фигурантах отовсюду, откуда только было можно. Уточнил, конечно, и у себя в архиве их нынешнее место прописки.

– Во-о-на как... – протянул Угрюмый. – Печально, но свои три сотни за него ты, ясно дело, получишь. Все по уговору. Кто второй?

– Мамазян, Гарик Суренович, – сказал я, внимательно глядя на Угрюмого.

– Дед Мазай... – Угрюмый вздохнул, чуть прикрыв глаза: видно было, что известие его искренне огорчило. – Ну он хорошую жизнь прожил, грех жаловаться.... Жаль.

– Жизнь, может, и хорошую, – осторожно проговорил я, – а вот смерть с ним некрасиво обошлась.

Угрюмый остановился так резко, что я чуть на него не налетел.

– Что с ним сделали? – спросил он глухо. – Если кто-то Деда Мазая не по понятиям завалил, вот мое слово – лично ноги повыдергиваю. Сам найду гниду, и помолиться не успеет...

– Да нет, умер он своей смертью, – сообщил я, поняв, что заказчик ничего не знает и тот выпуск «600 секунд», похоже, не видел. – Банальный инфаркт. А вот уже после похорон...

Угрюмый оттащил меня в сторону, к одной из бело-золотистых мраморных колонн. Его лицо стало таким бледным, словно от него вдруг отхлынула вся кровь:

– Да что ты вола водишь, колись уже, что с Мазаем, – процедил он сквозь зубы – тихо, но с нажимом.

– Какие-то мародеры ограбили его могилу подчистую, – ответил я, глядя в пол. – И... надругались... Голову отрезали, а туловище сожгли...

Странно, что Угрюмый ничего не сказал на это, только молча повернулся и двинулся по направлению к парилке, где царил влажный полумрак и приятно пахло травами и горячим деревом.

– Вот у кого рука поднялась? – пробормотал Угрюмый куда-то в пространство, усаживаясь на низенький деревянный приступочек. Я попытался сесть на ступеньку напротив, оперся рукой и, ожегшись, отдернул ее.

– Осторожно. Первый раз, что ли, в бане? – буркнул Угрюмый.

– Не первый, – пробормотал я, стеля под себя полотенце, – но давно уже не был, подзабыл.

– Развелось беспредельщиков! – Угрюмый продолжал разговаривать почти что сам с собой. – Рога бы им поотшибать... так найди ветра в поле, вора на воле...

Он сплюнул, помолчал и, точно вынырнув из не совсем понятных мне мыслей, деловито спросил:

– А с остальными что?

На память, как уже и говорил, я не жалею, так что сразу стал перечислять:

– Шевченко Павел Вадимович работает помощником депутата Мособлсовета...

– Меньшой... Хорошо устроился, – прокомментировал Угрюмый. – Как говорил Дед Мазай, такой в любую дырку без мыла пролезет. Небось и бизнес завел?

– Не без этого, – подтвердил я. В парилке было слишком жарко и влажно, и у меня уже начала кружиться голова. – Стройматериалами занимается – ну там песок, щебень, все такое...

– Ясно, дальше, – распорядился Угрюмый.

– Вульф Александр Андреевич живет в Ленинграде, то есть в Санкт-Петербурге, содержит антикварный салон.

– Фарцует потеряшкой, – «перевел» Угрюмый. – На то он и Рэмбрандт, – он произнес именно так, сильно выделив «э». – Всегда вокруг антиквариата крутился, и кстати...

Он остановился на полуслове, словно не хотел высказывать пришедшую в голову мысль:

– Дальше давай.

От жара и духоты мне уже стало не по себе, даже подташнивало. Но нужно было приложить все усилия, чтобы это скрыть. Не хватало еще, чтобы заказчик счел меня слабаком.

– Иогансон Борис Маркович владеет турагентством, в основном организует туры в Польшу и Чехию для челноков. Живет тоже в Питере, много времени проводит за рубежом. Имеет двойное гражданство – России и Чехии.

– Гвир – он и есть Гвир, – усмехнулся Угрюмый и, встретив мой непонимающий взгляд, объяснил:

– Погоняло у него такое.

И неожиданно добавил:

– Хорошо братва прикинулась, и только мне негде главу приклонить...

Я отвел глаза. С моей точки зрения, жалобы в духе «всем хорошо, я один бедная сирота» в устах человека, который, похоже, деньги вообще не считал, выглядели как-то странно. Впрочем, я ни на минуту не забывал, что это не мое дело.

– А как там Лом поживает? – поинтересовался Угрюмый после долгой паузы.

– Если вы имеете в виду Мякушкина Николая Степановича... – начал я, чувствуя, что уже совсем «плыву» от жары и влажности.

– Грек, хорош мне выкатать уже, мы с тобой не у кума на хате. – Угрюмый махнул в мою сторону рукой. – Ты хоть и фраер, но карта так легла, что мы в одной лодке. Так что веди себя по-пацански, заметано?

Я кивнул:

– Мякушкин живет на Урале, недалеко от Свердловска. Вроде как фермерствует.

– Это на Лома похоже, – кивнул Угрюмый. – Мужик – он и есть мужик. А Тихий, могу забиться на что угодно, в попы подался.

– В точку, – сказал я. – Только не в попы, а в монахи.

– Разве не один черт? – удивился Угрюмый.

– Попы, как правило, живут в миру, – ответил я. – И в церкви служат. А Куликов Владлен Макарович, в схиме отец Тихон, живет в Тихвинском монастыре. Правда, официально это не монастырь, церкви его не передали пока...

Угрюмый присвистнул:

– Ишь ты, в Тихвинском... Земля, выходит, не только круглая, но и маленькая. И подумать только, даже в церкви погоняло не поменял. Точнее... – Он хмыкнул. – Ладно. Ты на бумагу-то мне это все, надеюсь, расписал?

– А то, – кивнул я. – Первым делом. Ксерокса, правда, в ментовке не было, ну, в смысле, он там есть, конечно, но мало ли, могли заметить, что я что-то не то копирую. Пришлось от руки данные записывать, а адреса я потом по своим архивным каналам добыл. В Питер запрос посылал, они ответили, ну я сразу и...

– Меня ты тоже срисовал? – перебил меня Угрюмый, причем таким равнодушным тоном, каким спрашивают, не идет ли дождь.

Я посмотрел ему прямо в глаза и кивнул:

– Конечно. А ты сделал бы по-другому?

Он расплылся в улыбке – кажется, моя откровенность ему понравилась:

– Я что, похож на лоха? – Он с видимым удовольствием поводил плечами, точно разминая затекшие мышцы. – Ладно, Грек, не парься. Ну знаешь ты, что меня по паспорту величают как сталинского папашку, и что с того? Ну ходки мои прозвонил, да? Так мне их не запахло показать. Я, братишка, хоть и не вор, да законник. Меня сам Мазай, как откинулся, смотрящим назначил. Эх, знал бы ты, как тогда блатные завывали, вертухаевским овчаркам завидно стало... – Угрюмый чуть прихмурился, посерьезнел. – Хороший вор был Мазай, правильный. Царство ему небесное. Несправедливо все-таки... – Тут он взглянул на меня повнимательнее. – Блин, да ты уж спекся! Красный как рак, и глаза мутные. Ну-ка бегом в бассейн, пока не хлопнулся тут!

И потащил меня в бассейн.

Прохладная вода показалась мне настоящим счастьем. «Почему люди не летают, как птицы?» – какая глупость! Почему люди не плавают, как дельфины? Вот так было бы правильно. Легко, спокойно... Я блаженствовал в голубой, отчего-то почти не пахнувшей хлоркой воде, а рядом, отфыркиваясь, как тюлень, плавал Угрюмый.

Несмотря на выходной день, точнее вечер, народу в Сандунах было немного. Наплескавшись, мы причалили у бортика, где под водой торчала удобная ступенька, на которой мы и устроились. Угрюмый жестом подозвал суетившегося неподалеку кругленького мужичка с гладкой и сверкающей, как зеркало, лысиной, в которой отражались роскошные люстры:

– Тебя как кличут-то?

– Анатолием, – услужливо откликнулся лысенький и сразу заблестел глазками, почуяв жирного клиента.

– Толян, стало быть. И что тут, Толян, можно изобразить из пива? – осведомился Угрюмый. Толян начал перечислять, и мой спутник велел принести темного чешского. Лысенького как ветром сдуло.

– Лаврентий Палыч Берия вышел из доверия, – а товарищ Маленков надавал ему пинков, – продекламировал вдруг Угрюмый. – Знаешь, сейчас стало модно ругать Иосифа Виссарионовича... Но, поверь, по сравнению с Никиткой он невинный младенец, век воли не видать. Какую тот мясорубку устроил, когда к власти пришел! Мой папашка в эту мясорубку угодил, как говорится, по самую маковку. Следак особого следственного управления, что ты хочешь...

Толян принес пиво, почти ледяное, в наглухо запотевших кружках.

В мягком покачивании воды было что-то убаюкивающее, но я сидел как на иголках – хотелось услышать продолжение истории. Я был почти уверен, что оно будет, и одновременно боялся спугнуть. Очки я оставил в раздевалке, и лицо Угрюмого виделось размытым, как будто мы все еще сидели в парилке.

Сделав глоток, он раздумчиво, точно обращался не ко мне, а куда-то вверх, продолжил:

– Я тогда только-только спецшколу НКВД закончил. Это как суворовское училище, только еще «суворее», как моя бабка выражалась. Никто на мелкость нашу – детишки ведь совсем – скидок не делал. А нам и не надо было, мы прям счастливы были, что нас так строят, каждый из нас, орлят бериевских, хотел стать чекистом... Ну знаешь, «гвозди бы делать из этих людей...» Мы другого будущего для себя не видели. Да вот обломалась нам всем малина... Хотя, может, и не всем.

Он кинул на меня быстрый взгляд поверх кружки и, видимо, прочел на моем лице достаточную степень заинтересованности, поскольку продолжил:

– Короче, положили Иосифа Виссарионовича в Мавзолей, и Хрущ, он ведь Берию до дрожи в коленках боялся, стал всех, кто возле Лаврентия Палыча, частой метлой мести. Папашу моего одним из первых забрали, прям со службы. Как раз накануне моего дня рождения – восемнадцать мне стукнуло. А как-то вечером и к нам на квартиру нагрянули. Отвели меня под белы ручки на Лубянку и ну прессовать: дашь правильные показания на папашу своего, который под наше государство вместе с Берией подкоп готовил, – будет тебе школа жизни имени Дзержинского. Ну а коли не сдашь, не серчай: нарисуем тебе красивое дело, полетишь красноперкой на строгаач...

– Что это значит? – не понял я. Угрюмый невесело усмехнулся:

– А то и значит, что на зоне секретов нет. Каждая свинья будет знать, что я мент... Ну почти что мент, там такие тонкости всем без разницы. На зоне строгого режима такой факт автобиографии – считай, смертный приговор. И нескольких дней можно не протянуть... Но я молчал, как Олег Кошевой на фашистском допросе. Тогда они меня ради профилактики сунули в камеру к блатным. И намекнули, наверное, слегка – кто я есть и из какой семьи, думали, что те меня сразу запрессуют. Если до смерти не изувечат, бери меня после такого пресса тепленьким, и не такие орлята ломались...

Он отхлебнул пива, и его лицо стало жестким, по-настоящему угрюмым.

– С... суки, – процедил он сквозь зубы. – Гестаповцы доморощенные. Если бы не Мамазян, мне тогда бы точно деревянный макинтош надели. Или в овощ бы превратили, невелика премудрость. Но тут Гарик Суренович вмешался. Не знаю, чем я ему так приглянулся, но именно он про «сын за отца не отвечает»

напомнил... А если вор в законе говорит, что ты не красноперый, то с тебя и взятки гладки...

Угрюмый отвернулся и хлебнул еще пива. Я пока только пригубил, хотя пиво было знатное.

– В жизни такие дни бывают, – продолжил Угрюмый, – умирать будешь, хрен забудешь. Вот и тот вечер помню так, будто вчера все было. Камера маленькая, три на два, народу в ней человек двадцать набито. Мазай дрых, только пятки босые торчали, а ко мне сразу несколько амбалов лыжи нарезали. Какие мне предъявы кидали, сейчас убей – не скажу, все за красноперость, мол, легавкой на хазе потянуло. Я сразу срисовал, откуда ветер дует и о чем свистит: о том, что хана, что умолять станешь, чтоб по-быстрому прирезали. Но даже крыса, если в углу зажать, огрызается так, что мама не горюй. А я все ж не крыса был, а целый волчонок. Ну и учили нас в спецшколе кой-чему из того, что обычным пионэрам, – он так и сказал «пионэрам», да еще и «э» протянул, – не преподают. Так что двоих качественно приложить успел, пока меня упаковали. Ну тут уж мысленно со всеми попрощался, мамину фотку к груди прижал, калачиком свернулся на цементном полу и приготовился к встрече с райскими вертухаями. Только и просил Всевышнего, хоть и неверующий был, чтоб побыстрее. Что пресмыкаться заставят – вот чего я пуще смерти боялся. И вдруг слышу над собой голос. Мощный такой, гортанный немного, с кавказским акцентом: «А ну, сдали назад, что за кипеж тут развели?»

Ему объясняют, что красноперку, мол, чистим. А он им: «Да какой из него легавый? Он же пацан совсем!»

Я к тому моменту из клубочка-то подразвернулся и глаза кое-как разлепил – отоварили-то меня крепко. Гляжу – стоит посреди камеры хмырь, чьи голые пятки только что торчали, по виду и говору – грузин или армянин. А те, что меня мутузили, перед ним чисто как школьники перед директором, только и того, что без галстуков. Он им как раз слова вождя-то и помянул – у нас, мол, сын за отца не отвечает. Они и заткнулись. Тут выполз еще один мужичонка – худой, как скелет, кожа цветом в чифирь, хотя я тогда про чифирь без понятия был. Этот меня не гнул, наблюдал только. Тоже, видать, законник, но это уж я после все просчитал, а тогда только глядел. Прокашлялся он и говорит: «Что, Мазай, впишешься за фраерка красноперого?»

Тот на него зыркнул, ощерился – едва-едва, но матерому-то волчаре кончик зуба показать достаточно. «Впишусь, – и оглядел всех, точно пересчитал. – Вот вам мое варнацкое слово: мелкопузый у меня на подписке, кто на него наедет, считай, на меня наехал».

«Да на кой он тебе, Мазай?» – спрашивает тот мужичонка.

А Мазай ему и отвечает: «Танкиста себе из него сделаю. Видал, как он этих штемпов грамотно прописал? Отвечаю, правильный будет танкист». И поманил меня пальцем: «Эй, мелкопузый, канай до моих нар, будем тебя на понятия натаскивать...»

– Что еще за «танкист» такой? – поинтересовался я, интуитивно понимая, что задавать такой вопрос можно – будь это что-то постыдное, Угрюмый не стал бы мне рассказывать. И оказался прав.

– Что-то вроде телохранителя, – объяснил мой собеседник. – Боец, в общем. А ты чего пиво-то не пьешь? Не поперло?

– Заслушался, – искренне отвечал я, послушно отхлебывая из кружки.

Рассказчик усмехнулся, помолчал и снова продолжил после паузы.

– Я, брат, как после первой откинулся, поклялся, что найду всех тех легавых, что меня с папой прописали на казенные харчи. Точнее, меня-то на харчи, а папаша мой Лаврентия Палыча всего на две недели пережил. Только того к стенке успели поставить, а мой... Темное дело: то ли сам себе путевку к апостолу Петру оформил без согласования с ментами, то ли помогла какая добрая душа...

Угрюмый помолчал, глядя на что-то, только ему видимое. Но я аж поежился – из прищура высверкивало обжигающее ледяное пламя.

– Списочек, что я тебе для знакомства подкинул, тогда еще длиннее был... – говорил Угрюмый. – И я злой был, не слушал никого, наострил лыжи всех легавых положить, в алфавитном порядке. Да не удалось, спекся на самом первом, на гниде этой прокурорской. Мне наводку дали, что будет он на даче с девочками отдыхать... А это рыло мусорское решило, как порядочный, на

выходные семью на лоно природы вывезти. Прикинь, вваливаюсь я к нему в субботу вечером с пушкой наперевес, а там вместо шлюх – жена-пианисточка и дочурка белокурая шести годков от роду, чистый ангелочек в белом платице. Что мне делать было? Расписывать папу-каина при ребенке? Как говорил Мазай, сын за отца не отвечает, а дочь так и подавно. Нет, я ему, конечно, рожу порихтовал, стоматологом поработал забесплатно и, говорят, немного скинул цену ливера, но сильно не уродовал. И то мелкая, хоть и деваха, в меня вцепилась, орет: «Не трогай папу, дурак!» Небось слов покруче и не слыхивала еще, воспитанная. Я плюнул, поздравил мусора пинком под зад и сделал ноги. Далеко не ушел, конечно, тут меня и подмели... Ну что, повторим?

Я кивнул, и Угрюмый жестом подозвал лысенького Толяна:

– Повтори и прикинь на зуб чего-нибудь. Нарезочки какой, того-сего. Ну ты сам наблатыканный, сообразишь.

Толян понимающе кивнул и молниеносно испарился, прихватив пустые кружки, а Угрюмый продолжил:

– Мне Мазай тогда хорошего врача притаранил... адвоката, в смысле. Отмазали меня по максимуму, я даже под дурака косил, дескать, ролики за шарики зашли на почве зажмурившегося папы и последующей отсидки. И прокатило. Восемь лет мне впаляли, да и послали не в строгач, а на усилки, да еще как раз туда, где сам Мазай чалился. У нас там семья нарисовалась – папа Мазай, мы с Байбутом танкисты, Рэмбрандт приклатненный, Гвир общак считал и банчишку метал, Лом мужичил, Тихий кашеварил... Меньшой так, подай-принеси шестерил, это теперь он, надо же, ажно помощник депутата, хрен моржовый... А Апостол нашим штатным кольщиком был.

– Апостол? – переспросил я. – Андрей Зеленцов, что ли?

– Я его не крестил, – довольно резко ответил Угрюмый, – не секу, Андрей он или Фаддей. Да и без надобности мне. Но художником он был отменным... Бог его в глаза поцеловал, так говорят. Гений был Апостол, век воли не видать, всю жизнь зону топтать. Да что говорить – сам глянь.

Он встал и ко мне повернулся спиной.

Без очков я вижу плохо, поэтому до этого только заметил, что у Угрюмого на спине большая татуировка, но не рассмотрел, какая именно. Но тут разве что слепой не увидел бы нарисованную на его теле, от шеи до самых ягодиц, девушку... Нет, ангела. Не кем иным, кроме как ангелом, это создание быть не могло, столь сияющей и небесной была ее красота. Но в то же время и абсолютно живой.

- Это твоя девушка? - спросил я нерешительно, даже с опаской. - Очень красивая...

- Кто? - удивился он. - На плече, что ли? Это матушка моя. Хм. Девушка... Красивая, да. Тоже, кстати, Апостола работа.

Я перевел взгляд на его плечо - там действительно был наколот еще один портрет, изображавший женщину лет сорока, явно похожую на Угрюмого. Нарисовано было мастерски - но лицо куда попроще, хоть и приятное, и выразительное, однако красивым я бы его никак не назвал.

- А на спине кто? - уточнил я.

Угрюмый взглянул на меня с явным беспокойством:

- Грек, ты в парилке, случаем, не перегрелся? Не с одной же кружки пива тебя эдак развезло, что бабы везде мерещатся? На спине у меня церквуха, ты что! Храм Христа Спасителя, тот, что большевики взорвали.

Глава 5. Настоящее Искусство

Угрюмый выволок меня в моечную, заставил принять контрастный душ, а потом притащил в раздевалку. Я, как за спасательный круг, схватился за свои очки, нацепил их и вновь посмотрел на его спину.

Да, татуировка действительно изображала храм Христа Спасителя, взорванный в начале тридцатых годов. Сейчас его вроде бы собирались восстанавливать, даже закладной камень возле бассейна поставили. Изображение на спине

Угрюмого отличалось буквально фотографической точностью, но... Я видел снимок, где храм был почти таким, как на татуировке. Но там он был полуразрушен, как будто фотограф документировал снос (не одним же взрывом уничтожили такую махину). На спине же Угрюмого все было наоборот – храм не то строился, не то реставрировался. Хорошо были видны центральный и один из боковых куполов, еще два купола стояли как бы в лесах, без крестов. Храм был запечатлен со стороны Москвы-реки, и я даже разглядел несколько фигурок, поднимающихся к нему по лестнице от Кропоткинской набережной.

Но почему мне вдруг померещилось девичье лицо? Да и померещилось ли? Даже когда я рассматривал татуировку «вооруженным глазом», стоило сморгнуть – и сквозь купола и пилястры проступал ее лик. По-ангельски светлый и по-человечески печальный. И уж точно ничуть не похожий на портрет матери Угрюмого.

Нечто похожее я видел в каком-то из журналов, то ли в «Науке и жизни», то ли в «Знание – сила». Назывались они вроде бы перевертышами или оптическими иллюзиями. Смотришь на рисунок – и видишь то ли чашу, то ли два профиля или то ли старуху с крючковатым носом, то ли отвернувшуюся молодую женщину. Но изображение на спине Угрюмого не шло ни в какое сравнение с картинками в журнале – это было настоящее произведение искусства...

В дверях возник лысенький Толян с нашим заказом, сделанным еще в бассейне. В мгновение ока он расставил бокалы, тарелки с закусками и все так же безмолвно испарился. Ну как есть джинн из восточных сказок. Правда, у джиннов не бывает фартуков, да и денег они, кажется, не берут, а Угрюмый сунул в предусмотрительно оттопыренный карман зелененькую бумажку.

– Слышь, Грек? – внезапно нахмурился он. – Может, зря я тут распинаюсь...

– Да ты что?! – очень искренне возмутился я. Мне и вправду безумно хотелось услышать продолжение истории. – Ты думаешь, я...

– Если б я так думал, тебя бы здесь не было, – мрачно констатировал Угрюмый. – Ты пацан правильный, нутром чую. И ты, Грек, сердца на меня не держи, я всю жизнь один, верить никому не привык. Не верь, не бойся, не проси. Слышал небось?

Я молча, но выразительно кивнул.

Видимо, на моем лице читалась нужная пропорция интереса и сдержанности, ибо Угрюмый, прихлебнув пива, продолжил рассказ:

– В общем, братуха, в шестьдесят третьем чалился я по второй ходке. Зона была мордовская, не Сочи, конечно, но и не Норильск какой-нибудь вечномерзлотный. А по порядку и вовсе чисто курорт. Усилок, конечно, но правильный, не красный, не козлячий, все по понятиям. И компания подобралась что надо, во главе с Дедом Мазаем.

– А что он был за человек, этот художник, как вы, то есть ты его назвал? Апостол? – мне почему-то это было особенно интересно.

Угрюмый на время застыл с кружкой в руках, глядя, будто сквозь стену.

– Что за человек, говоришь? А кто его знает... Я так сам до конца и не раскусил. Когда первый раз его увидел, решил, что лох лохом. И погоняло у него было божественное, потому что он не от мира сего, как сказал Рэмбрандт, который с ним вместе к нам в хату попал. Ну да нам-то что до него за дело? Мы ж не беспредел и не малолетки, чтобы салагу прессовать. Так что зажили спокойно-дружно, все чин чинарем. Мы к нему, Апостолу то есть, не лезли, и сам он все больше молчал, сидел тише воды ниже травы. Но вел себя по правилам. Малявы, то есть посылки, ему приходили часто, так он сам, без предъявы, нес все в общак. А там чего только не было! И белье хорошее, да не наше, а забугорное, и чай индийский, и галеты импортные, и мясо сушеное, и табак, да какой! Уж на что Мазай был тертый пахан, видал и Крым, и Рим, и прочие достопримечательности, а и то говорил, что отродясь такого табачка не тянул. Но, кроме передач тех, Апостол ничем и не светился. До тех пор, пока кой-чего не приключилось.

Была у меня фотка матушки моей покойной, небольшая такая, шесть на девять. Хранил я эту карточку под подушкой, берег как зеницу ока. Да только не сберег. Полаялся с вертухаем одним, гнида он был редкостная... Так это быдло краснопогонное, живого ежа ему в ливер, знаешь как мне отомстил? Устроил шмон на хазе, достал карточку мою и сжег, падла, прямо у меня на глазах. До сих пор его харя вонючая у меня перед глазами стоит, точно в замедленном кино – как он лыбится, пока из кармана зажигалку вытягивает, как чиркает, как

к уголку карточки огонек подносит... Кинулся я, конечно, на него, да удержали. А когда я расшвырял всех, уже и поздно было. Сгорела матушка моя дотла.

Угрюмый сделал большой глоток пива и на мгновение отвел взгляд.

– В общем, закопать я этого вертухая тогда не сумел, упекли меня в карцер. Я не в себе был, все орал, что зажигалку его ему в жопу затолкаю стыковочным методом. В холодильнике, конечно, увял, но все равно решил, что мочкану урода. Вот как откинусь, так сразу и порешу. Знаешь, Грек, мне без той фотки жизнь сразу протухла, как вчерашний борщ на жаре. Вот странная штука – пока у меня фотка была, я как-то не особо на нее и смотрел. Довольно было, что она у меня есть. А как вспыхнула она и опала пепелком на пол – так словно все нутро мое так же сгорело и пеплом рассыпалось. Будто жизнь моя кончилась вместе с тем огоньком, что матушкину фотку поедал...

Он снова глотнул пива и помолчал. Молчал и я, чувствуя, что в данный момент любые слова будут неуместны, но понимая, что на этом рассказ явно не окончен. И оказался прав.

– Пока я в карцере парился, вертухая этого спешным делом в другое место перевели, в Узбекистан, на солнышко, – продолжил после долгой паузы Угрюмый. – Не спасло это его, я его и там нашел, когда откинулся... Ну да не об том речь. А о том, что вернулся я в хазу, сел на шконку, в стену вперился и сижу, как в столбняке. Сколько просидел, не знаю. Мазай со мной заговаривал, но я даже не помню, о чем. Потом остальные с пахоты приперлись, потом на ужин повели. Я свою пайку даже не попробовал, покрутил ложкой да отставил. А как вернулись в барак, подходит ко мне Апостол.

Тут Угрюмый глянул на меня и вдруг заметил:

– Глаза, кстати, у него были прям как у тебя. Только и того, что без очков. Он всегда так же исподлобья смотрел, как бычок. А говорил тихо-тихо, и голос у него был глухой, точно бесцветный. Сел он рядом со мной на шконку, на меня не глядит и говорит этим своим бесцветным шелестом: «Я тебе ее нарисую».

Я сначала вообще не допер, о чем он. А он повторяет: «Нарисую портрет твоей матери».

И такое меня вдруг зло взяло... «Что ты нарисуешь, гитару на стенке?!» – ору.

Апостол отшатнулся, но смотрит упрямо, ровно так, без страха, хотя когда я быкую, и не такие в штаны накладывают. Гляжу, подходит к нам Рэмбрандт и заявляет: «Пацан дело говорит, Угрюмый». И зыркнул на Деда Мазая, Дед сперва на меня, потом на Гвира. А тот уж тащит карандаш с бумагой.

Угрюмый сделал еще один глоток:

– Прикинь, Грек, тридцать лет водой смыло, а помню так, будто вчера. Взял, значит, Апостол тот огрызок карандаша, взял листок, который ему Гвир из блокнота выдрал, а я на руки его смотрю, глаз отвести не могу. Пальцы у него были длинные, как у пианиста, но сильные, мужские. Он листок на край шконки положил, на голую доску и стал малевать... Вот не поверишь, Грек, минуты не прошло, как мы все вокруг него, как сопляки вокруг мамки сидели и смотрели. Он малевал так, как лабух в филармонии симфонию лабают за большой пианиной. Я тогда в жизни уж разного видал: баб красивых, бабла немерено, стволы, перья и прочую годноту, но такого, как этот Апостол рисовал... Как Рэмбрандт сказал, «не от мира сего». Вот ведь глянешь на него – обычный хмурый лох, таких на каждую зону вагон с прицепом. А когда он малевал, ты себя чувствовал так, будто нет вокруг ни стен, ни решеток, ни колючки, ни легавых с «калашами»... Будто жизнь не из дерьма состоит, а есть в ней и вправду и свет, и добро...

Я с удивлением глянул на Угрюмого и заметил у него в глазах... слезы! Выходит, плачут не только богатые в телевизоре, но и урки со стажем тоже так могут. Никогда бы не поверил, что такой, как Угрюмый, способен плакать, как обычный человек – не выть от боли, не материться от злости, а плакать, вспоминая, как кто-то рисует. Рисует!

В тот момент я решил, что слезы Угрюмого – воспоминание о первой встрече с Настоящим Искусством. Ясно, что это должно было стать потрясением. Но довольно быстро – стоило чуть-чуть поразмышлять – я понял, что дело тут совершенно в другом. Угрюмый, как ни крути, был не безграмотный пацан-беспризорник. Дом полковника НКВД – не сарай, где тупой дикарь в фуражке с синим околышем каждый вечер глушит водяру, вспоминая свои «подвиги» в подвалах Лубянки. Такие тупые монстры в системе, несомненно, были (кого там не было – так это белых пушистых кроликов), но достаточно копнуть документы (а я все-таки архивист), чтобы понять, что образованных людей

хватало и в этой среде. И детей своих они воспитывали, может, и в строгости, в чем нет ничего дурного, но не в тупости. И в Третьяковку водили, и в прочие музеи, благо жили в Москве.

Так что Угрюмый в тот давний вечер, с которого пролетело добрых три десятка лет, потрясен был не «открытием искусства». Там, на нарах мордовской колонии, он оказался свидетелем истинного чуда творчества гения. А мои банальные размышления об «открытии искусства» сродни стереотипу, что, мол, все, кто оказался в зоне, – сплошь примитивные чудовища, дебилы и вырожденки рода человеческого. Не всегда это так. Ох, не всегда. Разные они. Да и законопослушные граждане порой бывают гораздо более страшными монстрами, чем реальные убийцы.

– Короче... – начал было уже успокоившийся Угрюмый, но тут, прямо по закону подлости, запищал его пейджер. Чертыхнувшись, он взглянул на экран и нахмурился:

– Не выйдет у нас, Грек, толковища, – буркнул с досадой. – Дельце одно нарисовалось, придется мне срочно срывать. Одевайся. Или ты еще поплескаться думаешь?

– Нет, я с тобой, – отвечал я и, видимо, не ошибся – Угрюмый одобрительно кивнул.

Пока я одевался, он сунул пейджер в борсетку, оглянулся по сторонам, вытащил перетянутую резинкой пачку купюр и передал ее мне, улыбнувшись:

– Ты про бабло-то, поди, и забыл с моими сказками. Эх, Грек, местами ты такой лох, аж смешно. Держи и ныкай поглубже, пока нас не секут. Тут три косяря, все честь по чести.

Такого я совершенно не ожидал и здорово обалдел. Пусть мой работодатель и озвучил предварительно сумму, но я до последнего не был уверен, что мне заплатят такие деньги. И уж тем более не ожидал, что расчет будет произведен сегодня и сразу полностью.

Видимо, догадавшись, о чем я думаю, Угрюмый хлопнул меня по плечу:

– Что варезку-то разинул, Грек? Давай прячь бабло, и двинули. И учти, терки наши не закончены, дела еще впереди могут быть. Так что черкни-ка мне свой номерок, чтобы я знал, где тебя искать.

Я записал ему в блокнот номера своих телефонов, и домашнего, и рабочего.

Посреди лестницы Угрюмый вдруг остановился, будто вспомнил о чем-то, и после короткой паузы проговорил:

– Чудно, право... Обычно я никогда ни с кем о себе не треплюсь. А тебе вот столько рассказал без стрема. Черт знает, почему...

Дальше мы шли молча до самого такси, благо этого добра у Сандунов всегда хватало. О чем-то коротко переговорив с водителем, Угрюмый обернулся ко мне:

– Ну, бывай, Грек. Надеюсь, скоро стакнемся.

А потом, крепко пожав руку, добавил:

– Береги себя.

– И ты себя береги, – ответил я, пожимая его жесткую, точно судорогой сведенную ладонь.

После полуголодных, почти нищих последних лет лежавшие во внутреннем кармане три тысячи баксов заставляли меня чувствовать себя буквально миллионером. Впрочем, так оно и было, если считать в рублях: курс уже подбирался к восьмистам деревянных за доллар, так что мой нынешний заработок можно было при желании превратить в два с лишком миллиона рублей. Но желания такого у меня, разумеется, не было: я, может, и странный, но не идиот, а только идиот станет сейчас менять зелень на неуклонно падающие рубли.

От одной мысли, что и сколько я могу позволить себе на такие деньги, голова шла кругом. Машину, причем не только «Жигули», а даже иномарку, поездку за границу, собственный бизнес... Но, поразмыслив, я решил, что с крупными тратами лучше подождать. Так что две тысячи я заныкал подальше, а на мелкие

расходы тысячи хватило, что называется, за глаза. Я притащил домой несколько битком набитых сумок с едой, приедлся сам и свозил маму в Лужу – на рынок в «Лужники», где мы купили все, что ей понравилось, а также два хороших спортивных костюма и новый плед для отца, и в завершение приобрел новенький японский телевизор взамен нашего, доживающего уже последние свои дни, дряхлого черно-белого ящика.

Я надеялся, что такая обновка порадует отца, но просчитался. Как я уже говорил, родители вообще не одобряли моих левых заработков. Благодаря Невзорову и ему подобным внезапное улучшение нашего финансового положения пугало их чуть ли не больше, чем нищета. Как, наверное, все люди старого закала, они были твердо уверены, что большие деньги неразрывно связаны с большими неприятностями. Я с самого начала пытался объяснить, что у меня есть «крыша», так что не стоит беспокоиться, – но, разумеется, без толку. Само понятие «крыша» было в глазах моих родителей чем-то непристойным – ведь это же бандиты, разве может приличный человек иметь дело с бандитами? Да и доверять бандитам ни в коем случае нельзя. Сегодня они тебя крышуют, а завтра пристрелят или взорвут – вон сколько об этом пишут в газетах и говорят по телевизору!

В общем, по логике моих предков, нужно было держаться от любого бизнеса (бывшего для них синонимом криминала) как можно дальше. Интересно, что бы мы в таком случае ели? Впрочем, в их возрасте менять установки тяжело, почти невозможно. Мне их было, в общем, жалко. Они ни в чем не были виноваты, они честно трудились всю жизнь и ожидали, что по завершении трудового пути их будет ждать обеспеченная и защищенная старость. Но все перевернулось и разлетелось в клочья. Скопленные за много лет сбережения сгорели на сберкнижках, пенсий хватало разве что на хлеб, новости, раньше полные неправдоподобно бодрых рапортов о перевыполнениях плана и досрочных сдачах, теперь, кажется, специально создавались с установкой «все плохо, а дальше будет еще хуже» – все это не добавляло не только оптимизма, но даже простенького спокойствия.

Новенький телевизор стал чем-то вроде последней капли. Смотреть-то отец его смотрел и лично мне никаких особых претензий не предъявлял – на это его терпения пока хватало, – но прочей окружающей действительности доставалось на орехи. Каждый вечер папа, кипя от возмущения, пересказывал мне услышанные за день новости и никак не мог успокоиться.

– В стране черт знает что творится! – бушевал он. – В Перми какого-то прокурорского генерала среди бела дня застрелили в туалете ресторана. Причем киллер настолько ничего не боялся, что еще и прикурил у его охраны. А те даже не помнят, как он выглядел. Очень характерно. Куда страна катится?! А у нас в Москве помощника депутата Шевченко на заводе стройматериалов спустили в камнедробилку. Следователи говорят, хорошо, голову сразу оторвало, хоть опознать смогли. «Хорошо», ты понимаешь?! Перемололи человека в кашу, а они говорят – хорошо!

Обычно я пропускал отцовские монологи мимо сознания, но тут сразу наострил уши:

– Как, ты говоришь, фамилия помощника депутата? – На память отца я полагался, как на свою. Даже перенесенный insult ее не повредил. Похоже, способность запоминать всякую всячину у меня заложена на уровне генетики, мама на память тоже никогда не жаловалась и каталогом в своей библиотеке почти не пользовалась.

– Как у украинского поэта, Шевченко. – Отец нахмурился, как будто настожился, – Павел Владимирович вроде...

– Вадимович, – машинально поправил я, тут же припомнив даже кличку бывшего сокамерника Угрюмого – Меньшой.

– Ты его знаешь, что ли? – В голосе отца слышались нотки уже явного подозрения. Вот я дурачина, кто меня за язык тянул?

– Слышал где-то, – соврал я. – Или читал, что ли. Кажись, в какой-то газете писали, что помощников депутатам надо бы тщательнее отбирать, у него вроде две судимости было.

– Одна, – поправил отец. – По молодости. Но снятая давно, он сидел еще в шестидесятых... – Папа покачал головой. – Темнишь ты что-то, Фаня...

Вот терпеть не могу, когда он так меня называет. Да и вообще – наградили имечком! Какой из меня Феофан Грек! Я не то что икону, я кошку-то толком не нарисую. А если попробую, несчастная животина будет похожа на кого угодно, от бегемота до крокодила, но только не на кошку...

В записи свои я все-таки заглянул. Как и в газету с криминальной хроникой за неделю. И окончательно убедился, что погибший помощник депутата Павел Вадимович Шевченко и сидевший в мордовской колонии зэк по прозвищу Меньшой, самый юный из той веселой компании, моложе даже Апостола – на момент ареста Меньшому было всего девятнадцать, – одно и то же лицо.

Еще один человек из списка Угрюмого мертв.

Не просто мертв – изувечен. Но, что странно, не до неузнаваемости. Как будто убийца специально заботился о том, чтобы жертву опознали. И с телом Мамазяна обошлись так же. Хотя там, конечно, вопрос опознания не стоял. Но если не для затруднения опознания, зачем уродовать тела? И кому это вообще могло понадобиться? Первой, конечно же, приходила в голову мысль об Угрюмом, который разыскал с моей помощью своих сокамерников и теперь расправляется с ними, возможно, за что-то мстит... Да, Угрюмый действительно из тех, кто годами может вынашивать планы мести и ни за что от них не откажется. Но подобное объяснение не вяжется с его отношением к Деду Мазая, которого он, как я был уверен, и безгранично уважал, и даже любил. Хотя... А что, если все это было враньем, спектаклем для единственного зрителя в моем лице? Может, Угрюмый – гениальный актер, а я – доверчивый лох? И он сам, по своим каналам, как-то вышел на Мазая, убил, надругался над телом, а потом на голубом глазу пришел ко мне с полным списком, чтобы найти остальных, кого он еще не разыскал? А получив от меня информацию, продолжил расправляться по списку... Так, а когда убили господина Шевченко?

Я взглянул на дату в газетной статье. Все произошло восьмого апреля. Восьмого, а Угрюмый отдал мне список девятого. Девятого, когда ни Мазая, ни Шевченко уже не было в живых. Как и еще одного из «великолепной семерки», Байбута, которого пристрелили полгода назад. И даже если, предположим, там обошлось без Угрюмого и он о Байбуте ничего не знал, все равно список из пяти имен был бы короче – а значит, и дешевле. С какой стати Угрюмому так мне переплачивать?

Зазвонил телефон, отец снял трубку и крикнул:

– Сынок, это тебя!

Я подошел к аппарату в своей комнате, у нас их было два еще с советских времен – один у меня, другой на кухне.

– Алло!

– Здорово, Грек! – услышал я знакомый голос. Правду говорят – помяни черта, он сразу появится. Мне опять внезапно вспомнилось предсказание цыганки.

– А я тут трубой обзавелся, – прохрипело в трубке сквозь шипение и треск. – Запиши номер.

– Поздравляю, – откликнулся я.

Я и сам мечтал о мобильнике, этом чуде техники, казалось, пришедшем к нам из будущего. Разве не здорово всюду носить с собой телефонную трубку, по которой можно звонить даже с улицы? Но стоила такая роскошь чуть ли не штуку баксов, и позволить ее себе могли только «новые русские» в малиновых пиджаках. Правда, с недавних пор и я тоже мог себе позволить... Но пока не решался, да и смысла не видел. Я ж почти все время проводил на работе, где телефон был под боком. Да и моих коллег по архиву наверняка кондратий бы хватил, увидь они меня вдруг с мобилой в руках.

– Записал? – уточнил Угрюмый. – Молоток. Ну что, пацан, еще подзаработать хочешь?

– Спрашиваешь, – хмыкнул я.

– Тогда завтра, часиков в семь, подвали в кабак «Времена года». Знаешь, где это?

– Да, в Нескучном саду.

– Ну тогда бывай.

И Угрюмый тут же отключился. Минута разговора стоила полтора бакса, и мобильная связь была весьма дорогим удовольствием. Даже для Угрюмого.

Этот звонок заронил в душу ростки надежды. Раз Угрюмый не просто назначил новую встречу, но и дал мне свой номер, значит, я ему еще нужен. А раз так – хочется верить, что избавляться от меня он не собирается. Во всяком случае, пока.

Глава 6. Заказчик-меценат

Ресторан «Времена года» добропорядочные граждане последнее время обходили стороной – в нем почти каждый вечер гуляли, с шиком и шумом, «новые русские». Так что от выбора Угрюмого я был не в восторге, но возражать и просить назначить другое место просто не решился. Однако сегодня, на мое счастье, тут было тихо – хотя, возможно, и ненадолго.

– Тепло-то как, – заметил Угрюмый, когда я, пожав его жесткую ладонь, уселся напротив. – Ну да к Пасхе всегда теплеет. Сейчас Страстная седмица, между прочим, идет. – Он вздохнул. – Дед говорил – кто на Страстной помрет, сразу в рай прямым ходом.

Ясно было, что говорит он не о ком-то из своих дедушек, а о Мазае, и я кивнул – мол, понимаю. Правда, идея насчет «прямого хода в рай» показалась мне несколько сомнительной: если, к примеру, сегодня какая-нибудь братва устроит очередную разборку тут же в кабаке и перестреляет друг друга, а заодно и половину остальных посетителей – значит ли это, что вся орава дружной толпой отправится на небеса? Но говорить я, разумеется, ничего не стал.

– А мы с тобой, считай, самого за бороду ухватили, – продолжал Угрюмый спокойным, даже безразличным голосом. – Новости у меня хорошие. Заказчик новое задание подогнал. Надо бабу найти. Правда, данных по ней немного и те старые, шестидесятих годов...

– Ничего, поищем, – кивнул я. – Хотя это может быть и не так просто, все-таки тридцать лет прошло. За столько лет она могла уже умереть.

– Ну померла так померла, – пожал плечами Угрюмый. – Тебе все равно заплатят. Только при таком раскладе нужно будет разведать, на каком кладбище она

упокоилась и номер могилки.

- А это уже посложнее... - задумался я. - Кто где похоронен, записано только в архивах кладбищ, у нас такой информации нет.

- Ну нет - так найдешь, - нахмурился Угрюмый. - Или тебе бабло не нужно?

Вопрос был риторический, но я на всякий случай помотал головой - мол, очень даже нужно.

- Ну то-то же, - хмыкнул Угрюмый.

Он запустил руку в борсетку и вытащил зеленоватую бумажку.

- Это тебе задаток, - сказал он, отдавая мне сотню. - Такса прежняя, триста. Теперь условия. Вот здесь, - он протянул листочек из уже знакомого мне блокнота, точнее, судя по буквам «Д» и «Е» сбоку, из телефонной книжки, - координаты нужной нам бабы. В начале шестидесятых она жила в Москве, потом пропала... Ну то есть не то чтобы пропала, но свалила куда-то, не оставив следов. За пределы Союза не выезжала. По овировским каналам это дело без нас пробили. Но - баба ведь, не мужик. Бабе фамилию сменить - раз плюнуть. Могла замуж выйти, и хорошо, если не десять раз. Короче, про нее надо нарыть все. Где живет, есть ли дети, родня, где живут... Если успела отчалить на тот свет, нужен адрес и фото могилки, если жива и здравствует - сфоткать ее хазу и ее саму, по возможности...

Рядом с нашим столиком возник официант, больше похожий на английского дворецкого, чем на халдея, и подал мне меню в бархатной обложке. Но я в него даже не заглянул, полностью доверившись Угрюмому. В конце концов, платить предстояло ему.

- Ты про Меньшого-то слыхал в новостях? - вдруг спросил он.

Я меньше всего ожидал, что он сам заговорит об этом, и чуть не поперхнулся минералкой.

– Да, видел вчера в газете, – осторожно ответил я, – что он погиб восьмого апреля.

Угрюмый мрачно кивнул:

– Ну да, вот так бывает. Вроде только что мы с тобой в баньке за него перетирали, а его тогда уже и на свете не было.

На его лице читалось только огорчение и ничего больше. Если Угрюмый был причастен к смерти помощника депутата, то скрывал это мастерски.

– Помянем Меньшого, – предложил он, разливая водку из запотевшего графина в запотевшие же, похожие на льдышки стопки – прежде чем подать на стол, их явно держали в морозилке.

Мы выпили, не чокаясь.

– С одесского кичмана бежали два уркана... – теперь уже совсем невесело напел Угрюмый. – Меньшой эту песню любил. Все мечтал тоже сорваться от кума, да кишка была тонка. Оно и к лучшему, только дорисовал бы себе к сроку лишний пятерик...

Я молчал, понимая, что любое мое слово в подобной ситуации может обернуться против меня. Хорошо, что тут – очень вовремя – подали жульен. Я схватился, как за соломинку, за странный гибрид ложки и вилки и стал ковыряться им в кокотнице.

– Вкусно. Это курица?

– Осетрина, – поправил Угрюмый. – Грешен я, брат, люблю хорошую рыбу. И вообще морепродукты. Знаешь, Грек, что я утворил, когда только границы открылись? На море рванул. И не на наше, а в Грецию, на Крит! Вот это, скажу я тебе, место! Если есть на земле рай, то, за базар отвечаю, там он, на Крите. – Он вздохнул. – Вот с делами разберемся, сразу манатки соберу и опять туда рвану. С концами. Куплю где-нибудь в Ретимно себе домик с бассейном и заживу как кум королю. Лафа! Солнце, море, вина хоть залейся, рыбная кухня... А красота какая! Поверишь, нет – всю дорогу там жалел, что я не художник, как Апостол...

Ну, давай за Крит.

Мы выпили. Он снова замолчал, и я, воспользовавшись паузой, спросил:

– А что стало с Апостолом?

Угрюмый усмехнулся:

– Никак охота дослушать то, что я тебе в баньке начал заливать, да не срослось?

– Охота, – не стал скрывать я.

– Ну ладно уж, делай уши, – он снова разлил водку.

– В общем, как изобразил мне Апостол матушку мою, так Рэмбрандт с Дедом перетерли, и Дед предложил Апостолу на кольщика поучиться. Тот, в натуре, сначала отнекивался, мол, мазюкать пислом по шмаге одно дело, а на живых людях шкворнем искусство выкалывать – совершенно другая разница. Но Дед наш кого хошь может уболтать. Вернее, мог... В общем, стал у нас Апостол штатным кольщиком. Как он понаблатыкался немного на кошках, так Дед решил, что нам всем надо по чину куполами украситься. Смекаешь, о чем я?

– Да, – кивнул я. Благодаря приобретенному за последние два года опыту, я немного разобрался в тюремной натальной живописи и знал, что изображение храма символизирует пребывание в зоне, а число куполов на татуировке говорит о числе отсидок.

– Ну первым, по масти, расписали самого Мазая. Изобразил ему наш кольщик во всю спину церквушку деревянную в Кижях, ну ту, что на еловую шишку похожа. Куполов на ней немерено, а у Мазая ходок, как блох на вшивой барбоске было, прости господи. А потом уже и до всех остальных дело дошло – по очереди, как водится, по старшинству. Ну и всяко, картинка каждому по числу ходок. Рэмбрандту, у того три ходки было, Апостол Спаса на Крови в таком ракурсе сделал, что только три купола и видать. А Меньшому с одной маковкой церква досталась, я ее потом вживую видел – один в один. У Апостола даже красивее получилась, хотя и настоящая хороша. В Боголюбове, что ли, она где-то...

– Покрова на Нерли? – догадался я. Я тоже видел этот храм, когда, еще в школе, ездил с родителями на автобусную экскурсию в те края.

– Точно, она самая, – кивнул Угрюмый. – Лому, тот тоже первоходок был, какой-то собор во Владимире достался, также в одну маковку. А Тихий сам заказ сделал – наколи мне, говорит, храм Тихвинской Богородицы в Тихвине. Апостол ему и сделал все чин чинарем. Тоже не картинка, а заглядение, – церква всего с одним куполом, зато с красивым крыльечком, вот как в детских книжках рисуют, и с иконой над этим крыльцом... Глядя на такую красоту, и Байбут с Гвиром примазались. Даром что один татарин, крещеный правда, а другой жид. Но тоже церквуху на спине захотели занять. Апостол спорить не стал, набил Байбуту, как сейчас помню, Софию Киевскую, солидная такая церквуха, а Гвиру – Смольный собор. Я до этого и не знал, что в Питере такой собор есть, думал, что Смольный – это только где Ленин с большевиками революцию делал...

Подали горячее – седло барашка под брусничным соусом и новый графин водки.

– Но это уже все потом было, – сообщил Угрюмый, отставляя пустую стопку. – А до этого, как до меня очередь к Апостолу дошла, кой-чего случилось. Апостолу перед этим свиданку устроили. Прямо с бухты-барахты, на майские приваливает конвой с апостольскими вещичками, по-ментовски вежливо велит одеться, только и того, что массаж по почкам не устраивает. Мазай, натурально, кипиш поднял, у него-то на Апостола свои виды были. Такого кольщика на хазе иметь всякому вору за счастье. На прогулке другие воры да блатные об его Кижи уже все шнифты согнули, ну, в смысле, глаза. Но сержант объяснил, что не в масть рвать душу на запчасти, вернется ваш свояк, не на скотобойню, мол, ведем. Он и вернулся... Но какой! – Угрюмый снова разлил водку и опрокинул, не дожидаясь меня. – Словно отца родного схоронил. Я было сперва так и подумал, что кто-то из его родни ласты клеил, только потом до меня доперло, что Апостол-то детдомовский, откуда у него родня? Ну, думаю, мало ли... Может, баба в отставку отправила, или кореш свалил в неведомые дали. А ночью проснулся, на парашу мне приспичило. Гляжу – а там уж наш кольщик сидит на полу, к стенке привалился, а в руках у него мойка, которую ему Рэмбрандт притаранил карандаш чинить.

– А что такое «мойка»? – не понял я.

– Ну это... лезвие, – пояснил Угрюмый. – И он им уже почти себя прописал, причем в горло метил, чтобы наверняка не вытащили. Примерялся, а как увидел,

что я ломлюсь, так и полоснул. Я свою грабку подставил, руку его перехватить хотел, ну и полоснул он, значит, мне по клешне сверху. Вот, погляди.

Угрюмый повернул руку, в которой держал вилку. На тыльной стороне ладони был ясно виден длинный белый шрам.

– До кости распахал, между прочим, – улыбнулся он, словно вспомнив что-то приятное. – Ну да ладно, это не горло вскрывать, там ничего серьезного нет, хотя красненькое и полилось. Я, натурально, вписал ему под дышалку, чтоб дурью не маялся, забрал мойку, пока он, после тычка-то моего, вдохнуть пытался, а после уж и себе стал руку заматывать. Он, как отошел, зыркнул на меня, как на врага злейшего, и спрашивает: «Зачем?»

«Дурилка ты картонная, – говорю. – У тебя бзик, а о нас-то ты подумал? Да если на хазе самописец нарисуетя, всей семье такой шмон устроят, карцер раем покажется! Мы тебе в суп не плевали, пайку не тырили и не прессовали, чтобы ты нам так западлил!»

Он тогда башку опустил и шлестит этим своим тихим голосом: «Я никого не хотел подводить... Только жить больше тоже не хочу».

«Эт ты, пацан, брось, – талдычу ему. – Жизнь прекрасна, это мы, дураки, ее себе уродуем. Ну сел, дело житейское, от сумы да от тюрьмы никто не застрахован. Так срок-то у тебя невелик, уж скоро откинешься».

Я думал, его зоной так придавило, что жить не хочется. Ан нет.

«Мне, – говорит, – что воля, что тюрьма, все едино. Все мне тошно, не могу больше».

«И что ж тебя так кочевряжит? – интересуюсь я как бы между прочим. – Баба, что ли, бросила? Так бабы – матерьял ненадежный, известно со времен Адама и Евы...»

«Да, – кивает он. – То есть нет. Наоборот».

Тут мне, натурально, интересно стало. Что такое «да, то есть нет»? Как это? А он продолжает, как на исповеди, не затыкается. Видно, накипело.

«Той, которую я люблю, до меня и дела нет, – говорит. – Даже в суд не пришла. Зато другая любит. А я ее не люблю, хотя и должен вроде бы».

Ну, я, всяко, поинтересовался, с чего это он ей так задолжал. А он: «Очень она мне помочь старается. Ее отчим – большой человек. Благодаря ему мне и срок небольшой дали, только она на этом не остановилась. Вытащить меня отсюда хочет и говорит, что вытащит, чего бы ей это ни стоило».

Угрюмый разлил остатки водки по стопкам и сделал знак официанту, чтобы тот принес новый графин.

– Вот поверишь, нет, Грек, – проговорил он, – я ему прям обзавидовался тогда. Когда родители чадо из-за колючки тащат или там братья-сестры, это понятно. Родная кровь и все такое... Но чтобы баба так за мужика убивалась, так это поди поищи. Скорее можно девственницу среди вожаток в пионерлагере найти, чем такую цацу. Попадись мне такая баба, я бы ее на руках носил. А этот морду воротит.

«Так чего ж тебе не так? – спрашиваю. – Кривая она, что ли, или косая?»

Апостол головой помотал: «Красивая. От ухажеров отбоя нет. К ней кто только не сватался, даже замминистра. А она всем отказывает. Веришь, я бы больше всего хотел, чтоб она за кого-то замуж вышла, чтобы счастлива была... Я-то ей зачем?»

«Ну и дурак ты, даром что Апостол, – бахнул я ему вот как на духу. – Да за такое ей памятник надо прижизненный вылепить! Девка прибарахленная, на рожу не урод, могла бы себе такой марьяж расписать, что любо-дорого, а она тебя из зоны тащит. Какого ж тебе еще рожна надо?»

А он мне на это: «Ты когда-нибудь любил?»

Тут уж я не знал, что ответить. Я ведь, Грек, в юности тоже влюблен был, Верой ее звали. До ареста моего клялась, что любит, что в огонь и в воду за меня... А

как меня взяли, так о ней ни слуху ни духу. Не то что на свиданку не приехала или передачку не прислала, а даже ни на одно письмо мое не ответила. С тех пор у меня веры и нет. Ушла Вера и всю мою веру с собой увела. Только Апостолу я тогда этого рассказывать не стал, сказал, что всяко, конечно, бывало. Но чтобы у меня от какой-то юбки так крышу рвало, чтобы с мойкой на очко лезть, – увольте, поищите малахольных в другой хазе.

«А я вот люблю, – вздохнул он. – Причем знаю ведь, что никогда... Что я ей не нужен. Да и что я могу дать женщине? А уж теперь, когда на мне судимость...»

«Да ладно, – отмахнулся я. – Глядишь, судимость с тебя и снимут. А ты со своим талантом точно не пропадешь».

А он так безнадежно отвечает: «Пропаду. Кому он нужен, мой талант? Да и вообще я к жизни не приспособленный, все говорят».

Помолчал немного, подумал и добавил: «Ты прав, Угрюмый, надо смириться».

Вскоре после этого разговора и подошла моя очередь наколку делать. И не успел еще Апостол за меня взяться, как наклонился и говорит мне тихонько на ухо: «Ты не бойся».

Я, конечно, в непонятку забился: «С хрена ль мне бояться?»

А он улыбнулся как-то криво, как будто через силу рот растягивает: «Вижу, что переживаешь ты за меня».

«Ты не баба, чтоб я за тебя переживал», – отрезал я. А он опять лыбится, но уже вроде поживее: «Я с собой больше ничего делать не буду. Ты был прав, неправильно это. Жизнь людям не просто так дается, и я знаю, куда ее деть».

«Ну и лады», – говорю. А что тут еще скажешь?

А он вдруг: «Но я вообще-то не про то. А про то, что ты расписываться не бойся».

Тут он попал не в бровь, а в глаз: мне, откровенно говоря, было и впрямь как-то стремно. Никогда ни в какую чертовщину не верил, но его татухи такие были,

что кого хошь страх проберет. Не просто картинки, а... Даже не знаю, как и сказать. Точно судьба у тебя на спине наколота. Ну и саднило у меня где-то на дне души, что он мне всю жизнь куполами распишет. Зона – она, конечно, дом родной, но я из тех, кому погулять бы от дому подальше. Чалиться по новой мне как-то совсем не хотелось.

Конечно, ничего этого я Апостолу не сказал, но он сам точно мысли мои прочел и говорит вдруг: «Это ведь твоя вторая ходка? Вот на тебе на всю жизнь два купола и будет».

Я засмеялся тогда, спрашиваю: «Это что ж, я, по-твоему, не спекусь больше ни разу?»

А он посмотрел как-то странно и отвечает: «Если будет на тебе мой рисунок, не спечешься».

«С чего это?» – недоумеваю.

Спросил и пожалел тут же, потому что зыркнул он на меня так, что аж морозом пробрало:

– Сам не знаю, только когда рисую... Идет что-то через меня в картину. Или из меня...

И глаза у него стали – как у двустволки дыры, глядишь – и словно самой смерти в зенки пялишься. Черные, пустые. Испугался я тогда сильно, хотя вообще-то не робкого десятка. Но виду, конечно, не подал, только кивнул: «Ну, малюй тогда...»

– Так я и обзавелся церквухой на горбе. – Угрюмый весело хмыкнул. – И ведь не соврал Апостол, с тех пор я к хозяину в гости так и не собрался.

Мы снова выпили, и он вдруг вспомнил еще одну подробность.

– И вот еще, забыл я об этом рассказать... Захворал тогда наш кольщик. Вернее, это началось еще раньше, после Мазая. Как закончил с его Кижами, скрутило Апостола не по-детски, так никто и не понял, что с ним. Но потом отпустило

вроде. А после Рэмбранта – опять. И так каждый раз. На одну картинку у него месяца два-три уходило. Потому что после каждого прохода сразу дорисовывать нельзя – накладка воспаляется, надо с неделю, а то и больше, переждать. И вот как Апостол наколет очередную картину, так в узел завязывается. Каждый раз все хуже и хуже ему становилось. После меня так плохо стало, что Дед даже приказал, чтобы его в больничку оттащили да проверили хорошенько. Но айболиты ни хрена, ясен пень, не нашли, правда, возвернули нам Апостола приободрившимися, накачав какими-то витаминами для здоровья. Так что первоходок наших он всех раскрасил почти бодрячком, мы уж решили, что и впрямь вылечился. И только Апостол закончил, как по зоне пошел слухок, что его выводят на УДО, условно-досрочное освобождение, стало быть. Дескать, это дело решенное, мол, соответственная бумага уже есть. Так оно и получилось: увезли нашего кольщика на поселение. А мы остались досиживать, кому сколько пришлось.

Мазай первым откинулся, меня за смотрящего оставил. Хотел меня короновать, да воровская мишпуха на дыбки встала: как это, красноперого под корону? Так и остался я простым вором досиживать. А как откинулся, мне Дед маляву прислал, мол, ежели захочешь, есть непыльный гешефт на Дальнем Востоке – с цеховиков навар снимать, что красной рыбкой промышляли. Как говорится, красноперого на красноперку. После того я Деда и не видел, остальных и подавно. Так в Комсомольске и просидел до восхода пятнистой лысины. А как Горбатый пришел, я по-быстрому легализовался через кооператив, а потом вообще отошел от блатных дел. Отойти-то отошел, но что-то внутри царапало. Не по масти мне, видать, честным хлебом питаться, даже если поверх него толстым слоем икорочка намазана. Решил развеяться и задвинулся на Крит – как потянуло меня что-то. Что тебе сказать, братуха, я там реально чувствовал себя как в раю. Все вокруг такое чистенькое, солнце светит, с моря ветровейчик свежесть гонит... Люди веселые, бабы задорные, сами в штаны лезут, вино некрепкое, но вкусное, а надо че покрепче, то вот тебе метакса или ракия. Но я тогда даже не синячил, и без того все ништяк было. Расслабился, короче, я по самое не могу. Жил, опять-таки, в пятизвездочном отеле, чисто буржуин...

На тот момент я уже порядочно устал от рассказов Угрюмого, да голова затуманилась от выпитой водки. Мне уже не было никакого дело до истории каких-то эков и хотелось только одного: поскорее попасть домой и лечь спать. Как бы так половчее намекнуть сотрапезнику, что пора попросить счет? Но тут всего лишь одна фраза Угрюмого буквально заставила меня если не мгновенно протрезветь, то хотя бы наострить уши.

- Там-то и нашел меня наш с тобой заказчик...

- Заказчик? - переспросил я.

- Ну не сам он лично, а посредник... Точнее, посредница. - Судя по блеску в глазах, Угрюмый был уже изрядно навеселе. И, похоже, его, как многих наших соотечественников, в таком состоянии потянуло на откровения. - А было дело так. Подкатывает ко мне дамочка... Ну я особо не удивился, там с этим вообще не проблема, если на морду не полный обезьян. По-русски никто не шпрехает. В основном немки клубятся или хрен поймешь кто, но «дас ист фантастиш», как разложишь, орут практически все. И, главное, не то что с нашими - никаких проблем потом. Утром скажет «о'кей, гуд лак», вечером ты ее и не вспомнишь. И она тебя. Ну, думаю, и эта туда же, хоть и не того пошиба вроде бы. Солидная дамочка, и выглядит потрясающе. Их вообще черт разберет, этих тамошних баб, сколько им лет, часто и не поймешь - то ли ей вчера тридцать стукнуло, то ли внуки уже в школу ходят. Да мне без разницы, что у нее в паспорте начириканно, главное - как смотрится. А эта смотрелась как с картинки. Красивая, холеная такая, чисто герцогиня. Очки на шнобеле, как у училки какой, но волосы не в узел завязаны, а распущены. И черные, как у цыганки. То-се, вотс ю нейм, веа а ю фром... Ну я почти как есть говорю: ай эм из рашн, звать меня Витя. Я так часто представляюсь - не полным же именем называться, они об него язык сломают. И тут она мне выдает на чистом отечественном: «Витя, у меня к вам серьезное дело. Мы могли бы поговорить наедине?»

Вот, думаю, интеллигентная, а туда же. Но попросту - никак, непременно надо кружавчиков наvertеть. Дело у нее, видите ли, серьезное! Не смешите мои тапки. Чего там серьезного, раздевайся и ложись. Но баба красивая, чего ж не поговорить наедине, давненько подо мной никто по-нашему не орал. Так что поперся к ней в номер. Усадила она меня в кресло, плеснула вискаря мне и себе, предварительно уточнив, бодряжу я его чем-то или глушу чистоганом. Я сказал, что коктейли для жлобов, она этак усмехнулась, потому как сама тоже чистяк потребляла. Села напротив, ногу на ногу забросила... Грек, вот гадом буду, Шэрон Стоун, если бы видела, в том же номере от зависти удавилась бы, прямо на люстре с вентилятором. Эта куда как покруче Шероники была, даром что брюнетка. Заметила она, что я на ее ноги пялюсь, улыбнулась, внимание любой бабе приятно. Но вместо того, чтоб подвинуться поближе или еще как на продолжение намекнуть, говорит: «Я представляю фонд и частную галерею. Мой шеф, герр-фон-барон, коллекционирует современное российское искусство. Особенно его интересуют те мастера, которые, скажем так, подвергались в СССР

остракизму и гонению».

Тут я догнал, что не в койку она меня тянула, а впрямь дело у нее ко мне. Только не вкурил, какое я отношение имею к малевальщикам. О чем без балды и сказал открытым текстом.

А она улыбнулась – вежливо так: простите, дескать, за нетактичность, мне не хотелось бы ранить ваши чувства. Это у них, Грек, вечная присказка. Все время извиняются. Ну и эта, хоть и наша вроде, туда же: «Извините, вы, наверное, были в заключении?»

А чего – извините? Ну был. С чего мне было отнекиваться? Да, говорю, чалился, но давно, еще при Никитке лысом. Так что судимости давно сняты, и с меня, мол, где сядешь, там и слезешь. Думал, ей, может, исполнитель понадобился. Может, выкрасть что для коллекционера, на которого она работает, или конкурента какого-нибудь придавить. Хотел сразу намекнуть, что это не ко мне, да не успел.

«Я, – говорит, – догадалась про заключение, когда увидела татуировку у вас на спине. Это ведь... как это называется? Извините...»

«Блатная наколка, – отвечаю. – Сколько куполов, столько ходок».

«А кто вам ее делал, можно поинтересоваться?» – уточняет она.

Ну я ей рассказал про Апостола, только не как тебе, а вкратце. Она вперед подалась, губки приоткрыты, глазоньки масляные, словно я ей не терки тру, а травы дал потянуть. «Есть, – говорит, – подозрение, что ваш художник... э-э-э, кольщик, как вы говорите, – известный на Западе график. Его произведения сейчас на пике популярности. Если вас не затруднит, я бы хотела сфотографировать вашу татуировку. Не бесплатно, конечно. Тысяча долларов вас устроит за такой пустяк?»

Да кто ж в здравом уме и трезвом рассудке от куска баксов за просто так откажется? Я робу стащил, встал на свет, она достала фотик размером с гранатомет, щелкнула, а потом и говорит: «Мой шеф герр Бегерит хочет построить на Крите арт-отель для художников, скульпторов, вообще для богемы. Я как раз подбирала что-нибудь подходящее, когда счастливый случай вывел меня на вас. Вы не могли бы оставить мне координаты, по которым я могла бы с

вами связаться?»

Тогда я, честно скажу, не допер, чего она от меня хочет. Но отель свой назвал, почему нет? Хотя и не думал даже, что она объявится. Однако ж объявилась, и довольно шустро. В этот раз даже в кабак пригласила и сама заплатила за жратву, хотя они, буржуины, стасть как не любят за кого-то платить, все больше сами норовят прокатить на халяву. Но позвала, ужин заказала – дакос, мизитра, рыбное мезе, вино, ракия – все как положено. И давай втирать, что этот ее фон-барон аж стойку сделал, когда мою наколку увидел. И готов забашлять немереное бабло, если я выну да положу ему всех своих корешей по тогдашней чалке.

– Так вот оно что... – дошло до меня. – Выходит, о творчестве Апостола узнали на Западе, и он вошел там в моду... Я слышал, что такое бывает. И, получается, этот самый фон-барон захотел найти не только картины Андрея Зеленцова, но даже сделанные им наколки?

– Ну а я тебе за что втираю? – хмыкнул Угрюмый, опрокидывая очередную стопку. – Видать, этот старый хрыч не знает, куда деть свое бабло, которого у него вагон в швейцарском загашнике. Вот и решил картинки скупать – хоть на холсте, хоть на живой шкуре. Сам-то он, как его помощница наболтала, в Россию-матушку больше не ездит. Был тут года три назад, да что-то ему не поперло, с тех пор зарекся. Так он решил меня подрядить корешей бывших поискать. А теперь им еще и баба какая-то понадобилась. Что за баба да зачем – меня не касается, мое дело сторона. Мне б поскорее со всем этим расплеваться – и снова на Крит. Я, Грек, совсем не против провести остаток своих дней ходячей выставкой на пляжике у моря, как эта краля предлагает...

Он хохотнул и добавил:

– Жаль, что и тебе Апостол ничего не выколол. А то вместе бы там загорали...

В моем уже сильно затуманенном водкой сознании так и всплыла эта картина: роскошный отель на берегу моря и разгуливающие по пляжу среди пальм зэки с татуировками во всю спину, «кисти», то есть иглы модного художника и тоже бывшего советского зэка... Да, похоже, Апостолу все же в итоге повезло, к нему пришел и успех, и признание, богатые коллекционеры готовы за бешеные деньги скупать его работы. Интересно, а что случилось с их автором? Он жив-

здоров и процветает где-то на Западе? Или так и умер в нищете и безвестности, не успев дожить до своего звездного часа? Увы, ответа на этот вопрос не знали ни я, ни Угрюмый.

Глава 7. Арт-шарлатан

Поскольку наши с Угрюмым посиделки затянулись, домой я вернулся уже после полуночи, но проснулся свежим как огурчик и даже на работу не опоздал. Хотя сейчас такие вещи уже никого не интересовали. Начальство, особенно с учетом того, сколько и с какой регулярной нерегулярностью нам платили, не только трудовых подвигов не требовало, но и на наши левые приработки с использованием казенного оборудования смотрело сквозь пальцы, равно как и на наши самовольные отлучки. Поставив записываться очередную партию кассет – я так привык начинать утро с этого действия, что выполнял его уже на автомате, – я занялся полученным вчера заказом от Угрюмого. Точнее, как я теперь знал, от какого-то забугорного мецената.

Новый фигурант, точнее фигурантка, звавшаяся Еленой Леонидовной Коротковой, появилась на свет во время войны в Москве, в семье служащих. Сначала проживала в центре, на Пречистенке, потом перебралась на проспект Мира. Наверное, родителям дали квартиру в новом доме. Ага, вот это уже интересно: Елена Короткова окончила Суриковское училище, специализация – плакатная графика. В тот же год была «выписана в связи с отбытием по новому месту жительства: город Пенза, улица..., дом..., квартира...» И это все. Больше никакой информации, даже фотографии не сохранилось. Как говорится, «не была, не состояла, не участвовала...» И не привлекалась.

То, что после ментов и эков мне дали задание найти безобидную художницу, откровенно порадовало. Получается, что фонд этого забугорного мецената... Как там его, Угрюмый же называл имя... Ах да, герр фон Бегерит. Он действительно интересуется творчеством советских художников – а значит, в моей работе на них нет ровным счетом ничего криминального. Теперь, когда железный занавес рухнул, контакты с границей официально разрешены. Елена Леонидовна имеет полное право сотрудничать с забугорным меценатом, и ей за это ничего не грозит. А мне за ее поиски тем более – если, конечно, не считать солидного вознаграждения.

Впрочем, это вознаграждение еще надо было отработать. Я позвонил в Пензенский архив и попросил прислать мне по факсу всю информацию о Коротковой. На скорый результат не рассчитывал – если даже у нас, в столичном архиве, такая неразбериха и никому ничего не надо, то можно себе представить, что творится в других городах... Но, видимо, сотрудница, которой я делал запрос, оказалась еще старой закалки и позвонила на следующий же день. Благодаря ей я узнал, что в Пензе Елена Короткова прожила чуть больше года, но успела за это время выйти замуж и сменить фамилию на Темирхан. А через несколько месяцев после свадьбы снова выписалась с места жительства, на этот раз отправившись в Мурманск.

Я снова потянулся к телефону. Ох и сделает мне Василь Василич втык за междугородные переговоры – телефон-то служебный, а бюджет архива если и резиновый, то исключительно в смысле сжатия. Ну да ладно, я быстро.

К счастью, в Мурманске фигурантка замуж не выходила и фамилии не меняла. Но и прожила там недолго, перебравшись через пять лет в казахстанский город Семипалатинск. Эти скачки туда-сюда напоминали бегство от кого-то или от чего-то, но на деле все оказалось куда проще. На всякий случай я сделал запрос и на ее мужа со странной фамилией Темирхан, вызывающей ассоциации с татаро-монгольским игом, и выяснил, что тот был военным. А значит, скорее всего, мотался по гарнизонам, а Елена как примерная жена следовала за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/oleg-roy/taynyy-shifr-hudozhnika>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)